

Владимир Митрофанов

Врачу: исцелись сам!

Medice, cura te ipsum!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Митрофанов

Врачу: исцелись сам!

«Автор»

2007

Митрофанов В. С.

Врачу: исцелись сам! / В. С. Митрофанов — «Автор», 2007

Врач-терапевт вдруг понимает, что может внезапно умереть, и пытается это осознать. Содержит нецензурную брань.

© Митрофанов В. С., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1. День первый. Среда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

"Все, что происходит с человеком со дня появления его на свет и до кончины, предопределено им самим. Всякое невнимание – умышленно, всякая случайная встреча – это свидание, любое горе – наказание, успех – всегда победа, к которой тайно стремишься; а смерть – всегда самоубийство".

Хорхе Бохес.

Глава 1. День первый. Среда

Борисков внезапно проснулся посреди ночи оттого что у него остановилось сердце. Сначала он лежал, прислушиваясь к этому непривычному безмолвию внутри себя, одновременно почти теряя сознание, – но сердце, постояв только какое-то небольшое время, потом снова стукнуло и, хоть с перебойми, но все же заработало, и он снова жил и лежал весь в холодном поту. Ни жена, чья голова темнела на соседней подушке рядом, ни собака, спавшая в ногах, не проснулись. Он мог бы спокойно умереть, а они бы так и продолжали спать до утра. Стояла необыкновенная мертвая тишина. Потом он начал слышать: тиканье часов, дыхание, дребезжание капель дождя по подоконнику и урчание холодильника на кухне. Он лежал так долго, весь мокрый, и не понял, когда и заснул – наверно уже под самое утро, которого никогда еще в жизни не ждал с таким нетерпением.

Когда же он проснулся, в доме уже вовсю кипела жизнь: на кухне гремела посуда, в ванной лилась вода, подавала голос собака.

– Давай вставай, Микоша уже не может терпеть! – Жена Виктория была в обычном утреннем раздражении.

Борисков с гудящей тяжелой головой сел на кровати и прислушался к себе: сердце билось, но все так же неровно. С усилием, но он все-таки оделся и отправился с Микошей, японским хинчиком, на улицу. Там во дворе уже гуляла пара знакомых собак вместе со своими хозяевами. С одним из них, Толиком, Борисков поздоровался за руку. Сказали друг другу несколько общих фраз. Толик был опять без работы. Менял он их, эти свои работы, постоянно и всегда его что-то не устраивало: то зарплата, то условия труда, то все вместе. Последняя его работа состояла в том, чтобы возить на лимузине клиентов из казино. Клиенты, проигравшие большие деньги, которых всегда гораздо больше, чем выигрывавших, нередко отрывались и на лимузине и на ее водителе. К тому же доставали и постоянные технические неисправности лимузина, поскольку сама машина была далеко не новая. Короче, он снова ушел. Теперь ему один знакомый якобы предлагал заведовать целым гаражом в какой-то крупной транспортной компании. Толик все это подробно Борискову и рассказывал. Борисков краем уха слушал, кивал, думая, что же делать дальше ему самому. Сердце все это время продолжало работать с перебойми. Толик, зная, что Борисков по специальности врач, снова начал жаловаться на поясницу:

– Иногда даже сесть не могу – только стоять. Чего, Серега, делать-то?

Борисков совет, конечно же, дал. Наверняка тут был не обычный радикулит, а грыжа диска и этим надо было долго и упорно заниматься, а Толик всегда хотел, чтобы по-быстрому: что-то принял – и тут же прошло.

Микоша, наконец, сделала свои дела, прибежала довольная, виляя хвостом, можно было идти домой завтракать. Время было утреннее, дефицитное. Микоша была совершенно грязная, и Борискову пришлось тащить ее на вытянутых руках.

Когда вернулись, Виктоша уже накладывала на тарелки еду, сказала Борискову:

– Ты сегодня на работу едешь на машине? Тогда заедь, пожалуйста, на рынок, купи картошки. Сразу бери побольше. Да, только что приходила дворничиха Марина, сказала, что ночью шарили по машинам...

Настроение Борискова, и так отвратительное, мгновенно стало еще хуже.

Сын Олег, десяти лет от роду, светловолосый, взлохмаченный, в своей комнате ковырялся в разбросанных между скомканной постелью и портфелем вещах и поминутно кричал оттуда: "Мам, не видела мои носки? Мам, не видела мой пенал? Мам! Мам! Мам!"

Плотно позавтракав, Борисков спустился во двор – к машине: но, – слава Богу! – сегодня все было цело. Машину вскрывали за последние три года, наверно, раз пять точно. Скорее всего, наркоманы. Один такой одно время регулярно приходил в поликлинику при больнице,

где работал Борисков, за рецептами и предлагал купить какие-то подержанные кассеты, диски и другие вещи – явно из ограбленных машин. К сожалению, охраняемых стоянок поблизости не было, а гаражи в центре города были безумно дорогие. Впрочем, полгода назад, когда богатые соседи из соседнего подъезда поставили во дворе видеокamеры и посадили к себе в парадную охрану, грабить машины стали чуть реже. Центр города – это проходные дворы и совершенно разношерстная публика. Последнее время собирались восстановить ворота – чтобы во двор могли входить и въезжать только свои, но существовало и много других жильцов, которых такой порядок совершенно не устраивал. Например, на втором этаже жила откровенная пьянь – наркоманы и алкоголики – к ним всегда ходила такая же специфическая публика, и нередко, несмотря на установленные в подъезде кодовые замки, кто-то из них спал на ступенях поперек лестницы в луже мочи или блевотины. Решили взять их измором, начали регулярно звывать милицию, и лишь тогда потихоньку стало на лестнице расчищаться. Кто-то из пьянчуг вообще съехал отсюда, один допился до смерти, но, с другой стороны, вернулся из тюрьмы сосед из квартиры напротив – Денис, который отсидел за кражу и теперь снова болтался со своими подозрительными друзьями и, судя по всему, не работал.

– Что делать, расслоение общества еще не закончилось! – утверждал один знакомый Борискова, человек, скажем так, хорошего среднего достатка, очень желавший поскорее перебраться из панельного дома на окраине – из района, постепенно превращавшегося в некое подобие гетто: на его лестнице уже наполовину жили выходцы из Средней Азии и Кавказа, рыскали наркоманы, а вечером из дома выходить было просто опасно. Недавно дочка этих знакомых, которая заканчивала занятия поздно, шла, точнее, кралась, в темноте, когда внезапно у нее в сумочке зазвонил телефон (это как раз звонила мама – волновалась), и тут же откуда-то выскочила какая-то гнусь, девушку толкнули и все – и сумку, и телефон – забрали почти у самых дверей подъезда. Оставить тут хорошую машину на ночь вне стоянки – было немислимо. Идея у этого знакомого была – перебраться в приличный дом, окруженный по периметру решеткой, с охраной двора и подъезда, с видеонаблюдением и с подземной парковкой. Но это было дорого даже для него, да и очередь была на такое жилье – сразу и не купишь. Впрочем, на работе обещали ссуду. Он собирал деньги, и даже вроде бы уже внес первоначальный взнос. Очень надеялся, что строительная фирма не кинет. Нужно было еще с годика полтора ждать, да потом еще и заниматься отделкой квартиры. Но свет в конце туннеля все же брезжил. Он уже действительно считал себе человеком среднего класса. Оставалось только вырваться из старого окружения. На работу он ездил на хорошей машине и категорически никого не подсаживал. Это была его маленькая территория с хорошей музыкой и дорогими запахами.

– Это естественный процесс – как в Европе и в Америке, – говорил он Борискову. – Я вот однажды из аэропорта ехал в Нью-Йорке, так тоже там видел просто ужасающие трупы! Вот западные люди всегда ругают русских за неаккуратность и свинство. А у нас наоборот эти новые приезжие всюду гадят и все ломают, только что на лестнице не срут! Сколько ни ставили кодовый замок на подъезде, его выбивают сразу же – чуть ли не в тот же день. Сейчас вот новый поставили. На новой двери фломастером тут же написали что-то по-арабски – и поди разбери, что. Сволочи! Они нас всех, местных, ненавидят. Единственно положительное, что, может быть, взрывать не будут, раз уж тут свои живут. Впрочем, в новостях показывали, как спецназ захватывал одну такую квартирку: раздолбали заодно чуть не весь подъезд. Тут как-то зашел знакомый приятель-милиционер. Рассказал, как ребята-сослуживцы вернулись из Чечни. Принес показать настоящую ваххабистскую листовку с Кавказа, изданную на русском языке: так там было написано, что они свои порядки планируют ввести повсеместно на всей Земле. Короче, осуществляется попытка создать великий халифат, – что-то типа того, как Гитлер хотел соорудить свой третий рейх – только гораздо круче – уже на полсвета. Собственной земли в таких случаях почему-то всегда не хватает – куда-то обязательно надо залезть.

Взгляды у него были самые радикальные, он пугал Борискова:

– Так что не думай, спрятаться не удастся. Нам там – в их халифате – места не будет! – Это будущее он по своей лестнице очень хорошо представлял и по ближайшему рынку и по магазинам. Он под это дело хотел тут же еще и какую-то теорию подключить, но все-таки воспитан и обучен был еще при коммунистах, был и пионером и комсомольцем, и оттого во всем привык искать социальные причины, что де созрели там какие-то особые условия и оттого происходят перемены и революции. Борисков с ним не согласился:

– Сейчас революция происходит только тогда, когда американцы на нее денег дают! Других революций просто не бывает. Это только раньше немцы давали – например, в семнадцатом году, а сейчас только американцы...

Машина на удивление сразу завелась. Борисков, перекрестившись, потихоньку выехал из двора, потом по Щербакову переулку вырулил на набережную Фонтанки, проехал по ней и перехал по мосту напротив БДТ на противоположную сторону. Чуть позднее вышел сегодня из дома, и движение было уже довольно плотное. Встал в пробке на перекрестке Фонтанки с Невским – это уже, наверно, навечно, на каждый день. Сердце все еще продолжало работать с перебоями. Представил себе: сейчас вот если вдруг умереть, то он обязательно навалится на руль, и автомобиль загудит. И долго будет так стоять и гудеть. Не сразу и распознают, в чем дело, будут с матом объезжать, пока, наконец, не подъедут гаишники, или кто-то не увидит мертвеца сквозь боковое стекло. Борисков водительскую дверь обычно не блокировал, так что откроют. С мертвого запросто могут и часы снять и деньги из кармана вынуть. Один так разбился на мосту Александра Невского насмерть. Пока приехали "скорая" и милиция, его уже и обворовали: не оказалось ни дорогих часов, ни телефона, ни бумажника. В большом городе, таком как Петербург, смерти уже никто не боится и не уважает ее – тут это обыденное явление. Люди мрут, как мухи, каждый день. Крематорий на Шафировском проспекте, когда проезжаешь мимо, дымит без перерыва на обед и без выходных.

А что было бы, если бы он вообще не проснулся этим утром? Человек умирает в одиночестве, когда все вокруг спят. Каково ему? Он это хорошо представлял, потому что видел не раз еще во время работы на "скорой": всюду в квартире включен яркий свет, двери распахнуты, собака забила в угол, вокруг много чужих, равнодушных людей, шатающихся по дому, не снимая уличной обуви, непрерывно зевающий участковый в черной блестящей куртке и с папкой подмышкой; санитары раздраженно требуют простыню и денег, заворачивают тело и выносят. Какое-то время с лестницы доносится топот, голоса и шарканье ног, хлопают двери машины, вот зарычал мотор. И во всех комнатах – вообще повсюду – горит свет. Человека уже нет, остаются только его вещи, удивительно много вещей, но он никогда уже не вернется сюда. И такое могло произойти сегодня. Мысль об этом сжала Борискову сердце.

Наконец, все-таки переехал Невский и встал в следующем заторе уже перед Троицким мостом: по набережной пропускали какое-то городское начальство – в Смольный. По радио в это время рассказывали хохмы и словоерсы на грани приличия, типа "Не учи отца – и баста!" Наконец, переехал мост и далее повернул сразу направо – на Петровскую набережную. Дальше ехал уже хорошо, но на Светлановской площади опять попал в пробку, посмотрел на часы: оказалось, времени уже впредык. Чуть дальше голосовала симпатичная молодая женщина. Борисков с сожалением проехал мимо: было бы время – обязательно бы подвез. Голова с ночи все еще была тяжелая. Наконец, подъехал к своей больнице. Еле-еле запарковал машину, втискивался: места так никто и не соблюдает, опоздал – сам виноват, только начмед свое постоянное имеет – сразу под знаком "парковка только для служебного транспорта", и там охранник на входе все видит: может выйти и отогнать чужого. А тут, на общей, еще и пациенты с их родственниками ставят свои авто, где придется. Платят дежурным на въезде, и те с удовольствием их пускают, а дальше им наплевать. Главный врач тоже уже приехал, его машина стояла сразу за знаком "Остановка запрещена". Главного на работу до недавнего времени возили на санитарной

машине "Форд". И в этом был определенный резон: если пробки на дороге, то водитель Андрей включал сирену и мигалку и ехал, как придется. Он был бывший автогонщик, поэтому Борисков, например, сам, будучи водителем со стажем, ездить с ним боялся. Всегда представлял себе, как будет вылетать сквозь лобовое стекло на дорогу. Главный же к манере езды Андрея привык и ценит его именно за такую езду, а ведь в самом начале карьеры он на своей "Волге" на работу ездил: люблю, говорит, сам за рулем. Но потом оказалось вроде как бы уже и не-solidно самому рулить, и опять же, когда с водителем, многих проблем просто нет: например, если выпил на банкете, да и в дороге можно звонить из машины, заниматься делами и ГАИ не трогает. Однако и санитарный "Форд" через какое-то время тоже показался ему не-solidным и месяца два назад он купил на больницу для себя представительскую "Вольво", причем пере-seвший на нее с санитарки очень довольный Андрей утверждал, что купили ее вовсе недорого – со скидкой – за пятьдесят две тысячи долларов. Когда Борисков бежал ко входу в больницу, Андрей оставался сидеть в машине и наверняка собирался поспать. Кивнули друг другу.

До начала утренней конференции оставалось всего-то минуты три. В коридорах началось обычное кишение персонала, идущего на так называемую "пятиминутку". Осталось только на ходу накинуть халат и войти в конференц-зал, что Борисков и сделал в самую последнюю минуту. Кивок коллегам: "Всем привет!" и сел на свое место в шестом ряду.

Ровно в девять появился начмед, чернявый мужчина лет сорока со своим "кондуитом" в руках (сам Главный лично проводил только большие общие конференции по понедельникам – делал накачку на всю неделю). На большой конференции в понедельник собирали чуть не весь персонал клинической больницы, включая и сотрудников двух кафедр медицинского университета, располагавшихся на этой базе. Главный врач, как человек восточный, да и к тому же поднявшийся с периферии, чрезвычайно ценил людей ученых и особенно научные звания, сам защитил не так давно кандидатскую диссертацию и теперь, говорят, будто бы писал докторскую. Заведующие кафедрами обещали ему в этом помочь, поэтому он их всегда поддерживал. Впрочем, поддержка эта, как говаривали опытные люди, могла продлиться только до защиты, а потом, не исключено было, что она так же внезапно могла и закончиться. К слову припоминали тут и печальный опыт бывшего заведующего курсом эндоскопии хирурга-профессора Жернова Михал Михалыча, который будто бы лично написал главному всю его кандидатскую по лечению язвенной болезни, и вскоре после защиты его путем каких-то косвенных интриг выперли и с кафедры и из университета на пенсию. Как говорить, "мавр сделал свое дело, мавр должен уйти". Кафедралы это все прекрасно понимали и поэтому делали главному докторскую уж очень потихоньку, никто особо не спешил и с этим делом не суетился. Кстати, говорят, именно под эту работу на больницу закупили самую современную диагностическую аппаратуру и лабораторные анализаторы. Куплено это было, естественно, за счет городского и федерального бюджета, но ведь чтобы купили именно тебе, а не другому, тоже нужно расстаться, подмазать кому следует.

Первыми на "пятиминутке" традиционно доложились дежурные врачи отделений Начали, как всегда, с приемного, потом докладывал кто-то с хирургии (кажется, с абдоминальной) с перекошенным лицом. Затем уже свой, с терапии, бодрый, хотя и несколько помятый Леша Жизляев (в народе просто Жизляй) долго зачитывал список, кто из больных наблюдался и почему обращался. Борисков знакомых фамилий не услышал – из своих пациентов, слава Богу, никому хуже не стало, и никто за ночь не умер. Кого-то там из других, не его, палат рвало, были температурающие и так далее. Итоги начал подводить начмед и опять одно и то же: "У нас мало платных услуг! Мало терапия зарабатывает денег! Дождетесь, что будет сокращение!" Сам он был для этого времени года (конец марта) ненормально загорелый и свеженький – только что из Египта (об этом проболталась секретарша главного) – и зарплата, кстати, у него-то была по сравнению с простыми врачами куда большая (это уже бухгалтерша трепанула). Борисков тоже, может быть, за такую зарплату рыл бы землю, страшал бы людей.

Начмед вообще ездил за границу довольно регулярно, так как состоял членом совета какой-то общественной организации с незапоминающимся названием что-то типа "Медицина за здоровый образ жизни" или вроде того. У них в программе три раза в год стояли плановые съезды-конференции: осенью – обычно в Турции; в конце зимы – в Египте; а потом, кажется в мае, они собирались провести конгресс где-то в Южной Европе, а где – еще не решили – то ли в Ницце, то ли на Родосе. Борисков как-то случайно услышал диалог людей из этой организации:

Женщина (заинтересованно):

– Где будем собираться весной? Есть предложение – в Венеции.

Мужчина (морщась):

– Ну, я не зна-а-аю... Если честно сказать, Венеция мне уже надоела. Ты же знаешь, я не люблю Венецию.

Борисков сам в Венеции никогда не был, но любил ее заочно и, когда хаяли Венецию, это ему не нравилось.

Понятно, что какой-то особой научной программы никто там не проводил – народ просто ездил отдохнуть. Конференция была лишь официальным легальным поводом уехать, оформить командировку и просить деньги на поездку у спонсоров – обычно крупных фармацевтических компаний. Брала туда с собой и жен и любовниц. Пить начинали уже в аэропорту, пока в Шереметьевском накопителе ждали посадки. Напитки всегда традиционно закупали там же – в магазинах Duty-free: карвуазье, хенесси, бэйлис, блэк лейбл и еще какой-то коньяк с петухом на этикетке. Один знакомый Борискова как-то по случаю попал в одну такую поездку, рассказывал ему: "Пьянка началась в самолете еще при перелете туда, сразу как только взлетели, а закончилась – в самолете при перелете обратно в Москву, когда многие переблевались, даже юная девушка-секретарша".

Кстати, начмед вернулся хотя и загорелый, но несколько опухший – то ли от переедания, то ли с перепоя. Главный тоже ездил за границу несколько раз в год, может быть, даже и не от какой-то отдельной организации, а и по многим другим каналам – и обычно на реальные международные конгрессы и симпозиумы. В отличие от начмеда, у Главного были другие источники финансирования. Если делаешь закупку дорогой аппаратуры или медикаментов для крупной больницы, то такую поездку (тоже вариант "отката") может организовать фирма-продавец на любой выбранный тобою конгресс, которые всегда проводят в очень хороших местах – чтобы заодно можно было и хорошо отдохнуть. Селят участников таких конгрессов обычно в "пяти звездах", кормят и поят до отвала. Иногда, когда ехала целая группа полезных фирме врачей, ее сопровождал представитель этой фирмы, задачей которого было организовывать отдых и за все это платить.

Конгресс для поездки выбирался прежде всего в зависимости от места его проведения и времени года. Нередко Главный брал с собой на конгресс и жену, обожающую такие поездки, поскольку она не работала и отпрашиваться с работы ей было не нужно. А уж в зимние каникулы – это был у них обязательный, уже традиционный выезд на море всей семьей с детьми просто на отдых – обычно в Таиланд или в Индонезию. В Египте, он, человек южный, считал, что в это время все-таки холодная вода. На это время его замещал даже не начмед, тоже отправлявшийся на юга, а другой заместитель – по хирургии – дальний родственник Главного из Батуми – еще довольно молодой парень, лет разве что тридцати, никак не более. Борисков никак не мог запомнить, как его зовут – тут уже реально язык можно было сломать. По молодости лет этот зам боялся не справиться, не оправдать доверия старших, поэтому управлял в период отпуска начальства еще более жестко, чем они, много и часто орал на людей.

Накачка, что мало зарабатывают денег, происходила практически ежедневно. Главный сам таких накачек проводить не любил: потом, если что, всегда можно будет сказать, что он ничего этого не поручал. Тут действовала та же старая система по типу "добрый и злой полицейский". Известно, что ненавидят того, кто непосредственно давит на людей. Главный, может

быть, сам особо не наезжал публично еще и с той точки зрения, чтобы не сказали, что вот-де "нацмен, чурка что вытворляет", хотя у него однажды и прорывалось в более узком кругу: "Я научу русских работать!" Народ, прослышав это, ворчал: "В своем родном Тбилиси учил бы работать!" Впрочем, известно, что народ традиционно ворчит абсолютно по любому поводу. Особенно недовольны лаборатория, аптека и функциональная диагностика – там меньше всего дополнительный приработок. Оттуда, из части зала, где сидят их сотрудники, вечно звучат комментарии, но тихо, чтобы не услышали на трибуне. Большинство тамошних работников уже подходит к пенсии, или уже находится в пенсионном возрасте, перспектив у них нет никаких, и остался только страх, что могут выпереть с работы. Один бизнесмен, у которого жена работала врачом, а его это очень доставало, поскольку ей хоть раз в месяц, но приходилось дежурить ночью, по этому поводу однажды устроил целую дискуссию: "А на фига вы вообще на учителей-врачей учились? Зачем вообще работаете за такие деньги – не работайте и тогда зарплату вам вынуждены будут поднять! Им просто некуда будет деваться. А раз работаете – значит, вас это устраивает. Не нравится – уваливайте!" Кстати, "не нравится – уваливайте!" и начмед и главный тоже иногда говорят врачам на утренних конференциях.

Итак, «пятиминутка» продолжается. Начмед чего-то говорит. Клинические ординаторы опять чему-то смеются в своем углу – молодежи всегда весело. Гоняют их, не гоняют – все им нипочем. Хи-хи, ха-ха. Впрочем, они по большому счету ни за что не отвечают.

Начмед уже под конец привязался к заведующей терапевтическим отделением: "Почему долго лежит Сальников и ничего не платит?" Заведующая вяло отговаривалась: мол, уже вот-вот выписываем. Сальникову лучше, нужен еще один день. (Борисков знал, что подержит дня три это точно).

Жизляй, отчитавшись, подсел к Борискову:

– Твой Златогонов, зараза, не давал спать – выполз в коридор и кашлял у ординаторской всю ночь. Потом под утро вдруг перестал, и я тоже не спал – думал, что ему каюк, помер, но он снова закашлял... Я, по сути, вообще сегодня не спал.

Наконец так называемая "пятиминутка", затянувшаяся уже минут на двадцать, закончилась. Только вышли в коридор, у Борискова в кармане сразу завибрировал мобильник. Он ответил на звонок. Тут же к нему подошла заведующая оргметодотделом – очень тучная женщина вполне славянской наружности, но со странным именем Марина Дуэйн-Вильямсовна Сорокина, которая была в курсе всего, что происходило в больнице, сама распускала сплетни и поочередно портила всем настроение:

– Ты, Сережа, находишься у Главного в черном списке. Я тебя просто предупреждаю. Главный берет в клинику своих родственников и знакомых, у них принято своим помогать, а у ведь него, как ты понимаешь, вся Грузия родственники и знакомые. Так что ищи место. Лучше всегда иметь что-то в запасе.

Тут могло быть и хорошо переврано. Говорили, что Главный сам копал под нее и хотел ее заменить опять же какой-то своей землячкой. Однако настроение она Борискову здорово подпортила. В больших коллективах всегда существуют интриги. Чтобы испортить человеку отношения с Главным или любым другим начальником многого и не нужно. Подойти и шепнуть ему между делом, что "Борисков-де считает вас, Каха Вахтангович, за полного что ни есть кретина". Обычно почему-то таким рассказам все тут же верят, а в результате – отношения испорчены, в лучшем случае они дают трещину. Смысл этого предупреждения был неясен, Борисков сам вроде каких-либо денежных мест не занимал – был самый что ни есть рядовой исполнитель, но ведь у начальства могут быть какие-то свои представления. Могли запросто начать давление. Трех врачей из второй терапии за последнее время уже убрали – их просто выдавили. Поменяли и самого заведующего. Придрались к какому-то случаю, по которому как-то уж очень вовремя появилась жалоба, и к оформлению историй болезни, где всегда можно что-нибудь накопать. А на их место действительно взяли только своих – все были родствен-

ники или знакомые Главного с Кавказа. А скажешь чего-нибудь по этому поводу публично – сразу навесят ярлык ксенофоба и фашиста. Один доктор как-то встал, стал что-то мямлить, да к тому же вдруг невнятно упомянул про мандарины на рынке, – может быть, наоборот, хотел угодить главному, у которого какой-то там был дополнительный бизнес – короче, сбился не туда. В зале повисла жуткая тишина. И всё, тут же ему и пришел конец. В течение месяца уволили. Блестящего хирурга Дубинина – говорят, выперли из клиники только за длинные волосы с косичкой и джинсы – будто бы это не соответствует имиджу учреждения. А замом по хирургии вместо него как раз взяли этого самого суетливого парня из Батуми. По сути же Дубинин просто вел себя по отношению к Главному не слишком почтительно: никогда не вставал, когда Главный входил, не лебезил, не выказывал почитания, не дарил подарков – и тот это заметил. Впрочем, Дубинин тут же нашел работу в частной клинике, поскольку обладал особым мастерством и талантом, оттого, может быть, и проявлял независимость. Люди, осознающие свой талант, могут себе позволить быть независимыми. Дубинин мог. Борисков же – нет. Говорят, Главный даже позвонил в ту частную клинику, чтобы наговорить на Дубинина, но его попросту и довольно в грубой форме послали подальше.

Хирург Жариков Миша откуда-то об этом узнал и всем с удовольствием рассказывал.

Ему Борисков так и сказал:

– Да ты просто ксенофоб, Миша!

Жариков тут же обиделся:

– Это я-то – ксенофоб? Я – вовсе не ксенофоб. Это вот наш Главный – и есть ксенофоб! Это он меня гонит, а сюда берет своих. Ты разве не заметил? Кто однажды говорил: "Я научу этих русских работать"? Почему это я ксенофоб? Ведь что такое ксенофобия – это буквально страх, неприятие чужого. Уже и клеймо придумали такое – ксенофоб. Заметь, ребенок обычно боится чужих (и правильно, кстати, делает!) – и он тоже ксенофоб? Женщина боится заходить в лифт с чужим человеком – и это нормально. Или она тоже ксенофоб? Вообще ксенофобия это естественная и нормальная реакция человека.

Борисков не стал и спорить, плюнул и ушел.

А вот доктор Кокушев ксенофобом не был вовсе и даже мыслей таких в голове не держал, но с детства страдал какой-то врожденной психологической глухотой к иностранным именам. У него был очень существенный для нового времени недостаток: он не запоминал восточные имена-отчества. Для него произнести такое имя как, например, Афлатон Хутгарович, Каха Вахтангович или Бахтиер Мундинжонович было делом совершенно невозможным, и он их всех называл обычно: "Абдурахман Абдурахманович, или Махмуд Махмудович, или Сулейман Сулейманович". Кстати, в Азии, говорят, вообще у людей нет отчеств, поэтому это и звучит по-русски так ужасно. Естественно, начальство за это Кокушева на дух не переносило. Однажды он все-таки как-то выучил имя бывшего начмеда, так потом ходил и чуть ли не к каждому встречному ликующе обращался: "Ну, что, Бахтиер Мундинжонович, как дела?" Бахтиеру тут же, конечно же, наступали. Сам Бахтиер был человек по жизни неплохой, но очень любил уважение и подарки. Просто это было заложено в него с молоком матери. Еще Кокушев долго не мог запомнить имя отчество Главного и очень этим мучился, записывал даже на бумажке, но все равно называл каждый раз по-разному, то Кака Вахтангович, то Вака Ваххабитович, то еще как – у Главного лицо искажалось, когда он это слышал. Конечно же, его вскоре по какому-то надуманному поводу и уволили. Кокушеву еще не повезло в том, что хотя в больнице все в обязательном порядке носили бэйджи, сам Главный никогда бейдж носил – считал, что и так все должны знать в лицо. Восточный менталитет. Впрочем, Кокушев бы и прочитать вряд ли смог бы. Все его предупреждали: "Не надо их злить. Они по натуре люди очень вспыльчивые и обидчивые!" Один приятель как-то рассказал Борискову, что к ним в контору однажды приехал какой-то кавказский человек на "Мерседесе", хотел сделать заказ, но что-то ему не понравилось, и он сказал, что скоро вернется со своими и зарежет всех, а женщинам обещал

всех их выебать, а напоследок сказал так: "Всех вас русских надо резать!" Ситуация была очень неприятная, хотя и не имела никакого продолжения. И ведь никому в голову не придет привлечь этого типа за разжигание национальной розни. Да и никакой суд не взялся бы, сказали бы: "А где тут разжигание национальной розни? Если бы, наоборот, вы бы ему угрожали – тогда другое дело! А тут сами виноваты!"

Этот приятель Борискова был офицером в отставке, бывшим артиллеристом. Воевал в первую чеченскую войну. Какой-то гвоздь в душе у него с той войны остался. Когда он прочитал в газете, что в Бельгии иммигранты-беженцы из Чечни тут же по приезду организовали банду и пошли грабить дискотеку, избивая посетителей, а когда приехали местные полицейские, грозились и их убить, то долго хохотал и, довольный, потирал руки:

– Ну, все – Бельгии каюк! Они там еще хлебнут!

С другой стороны, неизвестно уж за что он очень уважал немцев:

– Я даже какое-то время стал сомневаться в немцах. Неужели эта тысячелетняя нация сломана окончательно? Но это было только до нашей с женой поездки на Балатон прошлым летом. Там мы жили с немцами в одном отеле. Они вели себя так безобразно, что их даже постарались поселить в отдалении от всех – в другой корпус: каждый вечер напивались, тащили спиртное ящиками, орали на берегу свои дурацкие песни, напоминающие каждому русскому некие не столь уж давние времена, и дрались. А мне-то казалось, что Германия уже окончательно добита, и что немцы схавают все – даже плевок в лицо. Ты знаешь, это, странным образом, порадовало меня. Дело в том, что при всех различиях в нас есть что-то общее: ведь немцы испокон веку жили в России, даже не одна царица у нас была немка. Только непонятно, что нам было делить, и откуда взялась война и, главное, за что – совершенно необъяснимо. Что нам делить с немцами? У нас с ними вся разница в том, что они просто любят порядок, а мы – бардак.

Володя Никонов, терапевт со второго отделения, вообще уволился со скандалом. Вдруг решили его сокращать, и Главный как-то на конференции сказал то же самое, что и часто говорил: "вы, де, мол, и эту зарплату свою не отрабатываете". Всегда тихий и флегматичный Никонов вдруг покраснел и стал орать, что на такую зарплату не прожить, и что тут никто из начальства вообще не живет на зарплату: "Вас самих посадите на одну зарплату, и вы не сможете протянуть даже неделю! Думаю, и три дня не проживете!" Тут он был не прав: у главного официальная зарплата была вполне сопоставимая, если не с мировыми, то с европейскими точно. Уж неизвестно, как это делалось. Может быть, просто сколько хотели, столько себе и начисляли, и все это было по закону. Однако тогда на конференции вдруг воцарилась мертвая тишина, все уставились на Никонова, не мигая, как в гипнозе. Он говорил еще и про то, что все где-то подрабатывают: врачи берут деньги с больных, санитарки и медсестры тоже обирают больных, преподаватели кафедр работают на фармацевтические фирмы и читают лекции за деньги, продвигая лекарства. И поэтому никогда не знаешь, где ложь, а где правда, потому что все оплачено. Еще сказал, что администраторы получают деньги и с платных услуг, и из госбюджета (сразу несколько окладов), и имеют откаты со всего: с ремонта, с закупок мебели, лекарств, закупая их в тех фирмах, которые дают такие откаты, или у своих родственников или знакомых. Тут он тоже немного перегнул: последнее время были введены конкурсные закупки – так называемые тендеры, но странным образом, через тендеры получалось покупать еще дороже, чем раньше, да к тому же и ненужного хлама стали закупать куда больше. И сами тендеры чудесным образом выигрывали те же самые фирмы, где сидели родственники и знакомые начальства. Раньше каждое подразделение само заказывало необходимые ему расходные материалы для оргтехники, медикаменты, реактивы, где получится. Наверняка, как и принято в таких вещах, все имели с этого какую-то свою выгоду. Руководство посчитало, что так получается нехорошо, наверняка люди там кормятся и получают "откат" и государственные денюжки расходуются нерационально, хотя, понятно, основная мысль была: а почему бы

не получать все откаты себе. В связи с этим, и были организованы тендеры, когда поставщик определялся будто бы по конкурсу, и в этих случаях все откаты платили уже только в одно место – на самый верх. Все сразу стало обходиться еще дороже, чем раньше. Идея-то вроде была неплохая, но по сути ничего не поменялось – государственный бюджет опять оказался в проигрыше.

– ...Сидеть на этой жалкой зарплате, которую вы платите и которой нас попрекаете, – продолжал разъяренный Никонов, которому терять уже было нечего, – это значит никогда не быть сытым, не купить машину, квартиру и жить в нищете. Дети никогда не будут учиться в университете и даже, возможно, не окончат школу!

Самое ужасное, что почти все сказанное было правдой. И правдой неудобной и неприятной, потому что подрабатывали практически все, кто как мог, и сам Борисков калымил, где выходило: не афишируя два раза в неделю (вторник и четверг) вел приемы в частном медицинском центре "Парацельс" на Васильевском. И хотя там клиентов было то густо, то пусто, все равно какая-никакая денежка капала. Еще он смотрел больных на дому, брал деньги за частные консультации; а когда предлагали, работал на все какие только возможно фармацевтические фирмы, назначая их препараты. Ведь когда все равно лекарства назначаешь, почему бы получать за это деньги? И надо признать: действительно все вокруг было куплено. Деньги теперь решали все и правили всем. Работа на государство особых денег не давала, даже двойная зарплата, с учетом разных премий была недостаточной. Начмед же постоянно колот в глаза среднему персоналу: "Работаете-де на две ставки, а время не отработываете!" Впрочем, младшему персоналу от такого уже не говорил – могли и уйти. Уборщица вообще приходила часа на три, не больше, попробуй, заставь ее работать дольше – сразу уйдет в другое место «оператором чистоты». Борискову всегда было стыдно со знакомыми говорить про свою зарплату, поэтому на вопросы о заработке он отвечал невнятно. Скажи, никто бы и не поверил, что такая зарплата вообще бывает.

Сразу после Сорокиной к Борискову в коридоре пристала женщина из профкома, которую звали Юлия Сергеевна Соломатина. Она, как обычно, собирала деньги. На прошлой неделе произошла неприятная история. Охранник Леня выехал как обычно утром на велосипеде (он всегда ездил на работу на велосипеде и непременно с плеером в ушах), и его сбил чуть ли не во дворе дома молодой водитель, который утверждал, что сигналил, но велосипедист не услышал; Леня упал с велосипеда и разбил о поребрик голову, проще говоря, расколол череп, поскольку ездил без шлема. И вот умер вчера в реанимации, не приходя в сознание. Говорят, у него была любовница – медсестра со второй терапии. У этой медсестры было двое детей, а сама она была несколько лет как в разводе. Им обоим было очень удобно это знакомство: спали друг с другом обычно во время дежурств, а в остальное время каждый занимался своими делами, и такое положение всех устраивало. Впрочем, судя по ее реакции на смерть любовника, он никогда не занимал большого места в ее жизни, а был просто временным сексуальным партнером – нужно же было с кем-то иметь секс. В какой-то степени это была идеальная пара: никто не лез ни в чью жизнь, и ничего не требовал от другого. Еще оказалось, что Леня сочинял музыку и песни, и будто бы даже глубокого содержания, планировал когда-нибудь прославиться. Борисков с Леной лично никогда не общался, песен его не слышал, только что здоровался при входе на работу. Там был еще один охранник по прозвищу Таракан, еще одного он даже не знал, как зовут. Можно было и не давать денег, но Борисков дал, подумав: надо же, Леня-то, оказывается, был бард, возможно, даже в чем-то самородок, талант.

Ну и что из того? Борискову по работе своей приходилось иметь дело с самыми разными людьми. Тут были и пенсионеры, и рабочие, и бизнесмены, и бандиты, и милиционеры, и священнослужители различных религий, и к тому же люди самых разных национальностей, с некоторыми из которых приходилось даже общаться через переводчика. Иногда в клинике случались и казусы, связанные с некоторыми национальными традициями. Помнится, как-то летом

пришлось дежурить в приемном отделении. Однажды ночью привезли мужчину-мусульманина с ножевым ранением в живот. Стали перед операцией его раздевать, но раненый никак не давал снять с себя трусы. На подмогу позвали молодую медсестру, довольно крепкую девушку, с трудом сняли ему трусы и, наконец, положили на стол. Потом хирург ей сказал: "Таня, он был страшно тобою оскорблен и сказал, когда встанет, то непременно тебя зарежет!" Потом этому типу инъекции приходилось делать чуть ли не в бедро, или же он спускал трусы только чуть-чуть.

Работала там, в приемном, одна врачиха, так она брезговала, когда привозили разных вонючих и облеваных и надо было их раздевать и осматривать. Борисков же относился к этому спокойно. В момент надевания белого халата с ним происходила некая метаморфоза (поначалу Борискова даже удивлявшая, а потом он к ней привык и совершенно уже не замечал): он сам в этот момент менялся. Возможно, нечто подобное происходит и с другими специальностями: человек в форме становится другим. Так человек в военной форме способен делать поступки, которые бы он в обычной одежде никогда бы не сделал. Надев определенную униформу, простой обыватель становится охранником в тюрьме, водителем, поваром, милиционером, клерком в банке. У банкиров вариантом такой формы является дорогой костюм, галстук и швейцарские часы, а у художников – берет, свитер и бутылка водки. Конечно, хотя общая тенденция присутствует, и банкиры и художники внутри своей популяции существенно различаются. И внутри медицины были свои несмешивающиеся слои. Профессор, например, вел себя совсем по-другому, нежели простой врач.

Борисков как-то на одной медицинской тусовке, посвященной новому эффективному препарату, встретил знакомого парня со своего бывшего курса, невропатолога по специальности, совсем недавно получившего звание профессора и только что летавшего куда-то в Юго-Восточную Азию на конгресс с посадкой на заправку в Арабских Эмиратах. Он рассказал:

– Вашего Главного там видел: он в Дубае прямо в аэропорту накупил золота сразу на шестьсот долларов и был этим очень доволен, говорил там одному московскому: "Вот подарок жене и дочке купил на Новый год! Больше думать об этом не надо". Там с нами еще ехала целая компания главных врачей и профессоров из Москвы, и знаешь, как они нажрались в самолете!

– Ты теперь тоже вошел в их клан, чего же ты все секреты раскрываешь? Так нельзя! – пошутил Борисков, хотя ему было в принципе все равно.

– Мне это просто противно! – ответил невропатолог. Потом сделал паузу, добавил: – По крайней мере, пока.

На той же тусовке он услышал, как за столиком какой-то подвыпивший профессор-дерматовенеролог предложил тост, чтобы нам еще не раз выпивать за деньги наших больных. Борисков, услышав это, сказал:

– Понятно, за что нас люди ненавидят. Я тут слышал, как одна тетка в метро вот что говорила о врачах: "Врачи вообще нелюди. Я тут лежала две недели в больнице, так только и видела, что медсестру. Врач даже не подходил. Им только деньги надо!" Я это на работе рассказал, так молодежь ответила мне так: "А почему врачи должны работать бесплатно? Попробуй-ка, попроси в магазине телевизор бесплатно! Сталин якобы сказал: "Врачи сами себя прокормят!"

На это однокурсник, профессор-невропатолог, только усмехнулся: на метро он уже много лет не ездил.

Кстати, как-то ехали с Жизляем на банкет без машин. В переходе метро увидели старуху с табличкой "Помогите на операцию глаз". Циничный Жизляй, тут же сказал, посмеиваясь:

– Во, блин, бабушка собирает деньги на лечение, а врачи все это безжалостно у нее заберут! Как говорить, не моргнув глазом. Заметь, сейчас нередко в фильме героические действующие лица собирают деньги на некую операцию ребенку или родственнику, всегда необыкновенно дорогую. А врачи все забирают – потому что тоже хотят жить богато, ездить на дорогих машинах.

Он считал, что бабушка наверняка из мафии нищих и с глазами у нее наверняка все в порядке. А может быть, и нет.

Кстати, хорошо тогда погуляли. Жизля даже забрали на обратном пути в пикет милиции на "Петроградской", но он откупился, дав милиционеру пятьдесят рублей и сказав, что сам он оперирующий хирург после тяжелого суточного дежурства, потому и выпил...

В девять часов тридцать минут Борисков зашел в клиническую лабораторию за анализом крови пациента Златогонова. Заведующую лабораторией звали Наталья Геннадиевна Кулик. Она у себя в закутке пила чай, ее всю трясло. Оказывается, она с самого утра поехала на Красненькое кладбище, чтобы отвезти лапник на могилу отца в связи с годовщиной его смерти. Кладбище утром было совершенно пустынно и у самой могилы ее вдруг со всех сторон окружили более десятка собак, которые скалили зубы и рычали на каждое ее движение. Она схватилась за могильный крест и тихонько, стараясь не делать резких движений, достала мобильник и позвонила диспетчеру в МЧС, которая в свою очередь обещала позвонить руководству кладбища. В этот момент откуда-то из других аллей появилась неизвестная женщина, которая прошла сквозь собак и уверенно сказала Наталье Геннадиевне: "Пойдем со мной!" Наталья пошла и поразило ее то, что, обернувшись через какое-то время, она увидела, что собаки так и остались сидеть на своих местах. Та женщина направилась в храм, который был недалеко от входа на кладбище. Наталья Геннадиевна пошла за ней, но, войдя в церковь, уже ее там не увидела. Когда она уже добралась до работы, ей позвонили на мобильник из МЧС и спросили, жива ли она. Оказывается, они так никуда еще и не позвонили, а точнее не дозвонились. Борисков с интересом выслушал эту историю, однако нужного ему врача-лаборанта, которую звали Лена Маслова, на работе еще не было. Она как всегда опаздывала. Когда-то, до замужества, она была просто образцовым сотрудником, но после того, как родила, кардинально изменилась. Она, в подростковом возрасте совершенно на дух не переносившая маленьких детей, внезапно оказалась сумасшедшей матерью. Теперь все ее мысли были только дома с ребенком, за время работы много раз звонила домой, узнавала у бабушки, как ребенок поел, да как покакал, да как спать легли, да как погуляли, а главное ежедневно опаздывала на работу и всегда пыталась свалить с работы пораньше. Естественно, при малейшей возможности, брала больничный по уходу. Заведующая лабораторией долго терпела, наконец, вызвала ее и сделала замечание, на что та с искренним изумлением ответила: "Вы не понимаете: у меня же ребенок!" – "Ну, и что? – у всех дети! Не можешь нормально работать – сиди дома!" Лена оторопела. Ей совершенно не приходило в голову, что вопрос может стоять так жестко – ведь в мире нет ничего важнее ее ребенка. Ну, поговорили они, и что? Ничего не изменилось. Все продолжалось по-прежнему. Впрочем, Борисков как человек женатый и детный на такие вещи не раздражался, относился к этому спокойно. Это был один из естественных и терпимых женских психозов. Так его жена Виктоша, в общем-то в этом плане очень спокойная, если вдруг замечала у Олега сопли или кашель, тут же начинала носиться по дому и причитать, при этом пеняя Борискову: "Ребенок тяжело болен, а ты ничего не делаешь! Ничего себе врач!" Интересно, что со старшей их дочерью, Лизой, ничего подобного никогда не было. Впрочем, Лиза вообще росла здоровенькой. Олег, напротив, чуть что – сразу сопли до колен.

Борискову в принципе было все равно, ходит Маслова на работу и ли не ходит, ему нужен был анализ Златогонова и немедленно. Златогонов тоже был чей-то ребенок и у него была мать. И вопрос стоял о его жизни. Однако, поняв, что ждать бесполезно, Борисков попросил позвонить ему, как только получают результаты, и покинул лабораторию. Потом он взял свою папку с историями болезней, стетоскоп, тонометр и пошел на обход. В первой палате лежало четыре человека. Студентка, поступившая накануне с отеком Квинке после употребления на вечеринке какого-то джина в банке по названию, кажется, "стамеска", спала даже под капельницей. Борисков не стал ее и будить. У нее все уже было хорошо, отек почти полностью сошел. Пусть спит. Но на соседней кровати лежала глухая старушка, которой нужно было орать на всю

палату. На любой заданный вопрос она обязательно переспрашивала: "А?" Слуховой аппарат у нее, кстати, был, но она им по неизвестной причине не пользовалась. Впрочем, у старушки тоже все было хорошо. Давление и сахар крови были стабильными. Третья больная, только вчера пришедшая в себя, смотрела Борискову в глаза, будто ждала какого-то откровения. Кровать у нее была завалена книгами и журналами по целительству. Один журнал, как успел отметить Борисков, был из тех, которые "заряжены" колдунами и экстрасенсами и которые нужно прикладывать к больным местам или класть под подушку. Впрочем, иногда действительно были ситуации, когда хотелось сказать: "Идите-ка вы к какой-нибудь бабке!" Спросил ее: "Ничего не болит? Глотать можете? Хорошо. Если все будет гладко, в пятницу – домой". Четвертая больная где-то ходила. Борисков пошел на пост, узнать, куда она пропала.

В это время с кафедры на отделение подошел для консультации доцент Минкин Николай Борисович, полный невысокий мужчина, лет пятидесяти пяти, и тут же прицепился к Борискову с вопросами, кто сколько получил в этом месяце зарплату. Человек он был скользкий и очень хваткий на деньги. Любимые присказки его были типа: "Лучше маленькие три рубля, чем большое спасибо", "Спасибо в рот не положишь" и т.п. Никогда Борисков как-то в своей жизни не встречал, чтобы настоящий профессионал говорил что-либо подобное и столь пошлое, а этот постоянно. Как человек Минкин был по жизни в общем-то говенный, да и врач, говорили, так себе. Впрочем, Борисков других никогда старался не оценивать, но кого-нибудь из своих знакомых лечиться к нему никогда бы не послал. Не доверял. Обдерет, и ничего не сделает. Минкин как-то рассказывал, что когда он в молодости работал в Латвии, местные крестьяне всегда платили врачам за лечение. Это было своего рода ритуал, установленный порядок. Не заплатить врачу считалось неприличным. Неоплата лечения, по их мнению, заведомо вела к плохому результату. Там так было принято испокон века. Хоть что-то да заплати. Минкину тот порядок очень понравился и он часто его вспоминал. Теперь он что-то начал впаривать Борискову про деньги, что-то там ему не доплатили или кому-то заплатили больше, чем ему. Борисков насилиу от него отделался, сказав, что ему срочно нужно идти на обход.

Потом Борисков зашел во вторую палату к журналисту Евгению Петровичу Поплавскому, поступившему в отделение с пневмонией три дня назад. Небритый по последней моде Поплавский лежал в отдельной палате, обложившись газетами. Ему привозили, наверное, все, выходящие в городе более или менее крупные издания. Он был довольно известный журналист со всеми типичными журналистскими прибабахами, типа "могу любого обосрать с головы до ног". Заведующая отделением предупредила Борискова, чтобы он был с Поплавским поосторожнее, а не то вдруг выйдет статейка "Доктор Ужас в клинике смерти" и уже всю оставшуюся жизнь не отмоешься.

Поплавский начинал "гремить" с конца восьмидесятых, но за годы перестройки Россия настолько ему осточертела, что он какое-то время даже жил в Германии, но там ему отчего-то не понравилось. Он как-то говорил, когда приехал назад: "Германия – не для русских, она – для турок. А наша Россия все-таки – хоть сколько-то, хоть на чуть-чуть, но для русских, хотя бы, даже если пусть только по языку". Не исключено, причиной такого неприятия Германии могло быть какое-либо случайное происшествие или житейская ситуация. Так бывает: вроде и город хороший, а если тебя там обворовали или обидели, то навсегда остается против него предубеждение. Один знакомый рассказывал, что в Германии прямо возле дома, где они с женой остановились, чуть ли не прямо у них на глазах немцы зарезали эфиопа, и он сам не раз видел, как большими группами ходили по улицам бритоголовые. Они хрипло орали "хайль" и скидывали руки в фашистском приветствии, а полиция ехала рядом и им не мешала.

Однажды, будучи по каким-то делам в Италии, Поплавский встретил там одного типа, который уехал из России еще в самом начале девяностых. Жизнь его по большому счету не удалась, и ему нужно было кого-то в этом обвинять. До отъезда из страны он был преподавателем какого-то гуманитарного ВУЗа, а вот чего он там преподавал – Бог знает. Уехал и уехал,

но он почему-то всегда искренне радовался неудачам России, и если там случалось что-то плохое, непременно злорадствовал: "Я же говорил, что они там полные придурки!", любые же ее успехи выводили его из себя: "Просто повезло!" Он считал, что во всем виновата его родина, сделавшая его таким, каким он был. Он в принципе ненавидел все русское и всю Россию, по любому поводу говорил: "В этой поганой стране..." Он так глубоко и яростно ненавидел покинутую им страну, что этому наверняка должна была быть какая-то серьезная причина. Но, в конечном счете, мечта его сбылась, и теперь он жил на Западе, потихоньку освоился, где-то подвизался на полубесплатных работах просто за еду. Когда Поплавский встретил его в Риме, он пил воду из фонтана (говорят, если набирать в струе, то там она чистая). Надо сказать, со стороны вид у этого типа был довольно жалкий. Он представлял собой что-то вроде интеллигентного бомжа. Сбежав в самый разгар кризиса начала 90-х, он до сих пор оставался под тем же впечатлением нищей и убогой страны, которую когда-то покинул, и был абсолютно уверен, что все там так и осталось, поэтому ко всем встречаемым соотечественникам относился со снисхождением. Поплавский, который встретил его совершенно случайно, был этим просто потрясен и потом рассказывал: "Поначалу я даже хотел ему денег дать, но потом увидел, что это – просто говнюк!" Они, Поплавский с подругой, тогда после ресторана отдыхали в тени на известной площади Навони – как раз у знаменитого фонтана, где бывший доцент набирал воду в пластиковую бутылочку. Однако после этой встречи Поплавский напугался: он почувствовал, что постепенно начинает превращаться в такого же типа – как бы взглянул на себя со стороны.

На Поплавского именно на Западе почему-то всегда производили неприятное впечатление разные уличные развлекатели, приехавшие из бедных стран: балалаечники в русских рубашках, кукольники с марионетками, замершие скульптуры и мимы, подвизающиеся на торговых улицах европейских городов.

Короче, примерно через три года после отъезда Поплавский вернулся в Россию. Впрочем, все ожидали, что, вернувшись, он вновь тут же запросится назад в Германию – небось, отвык от питерской-то грязи. Но обстановка за это не столь большое время изменилась и, к удивлению вернувшегося журналиста, у него в Питере зарплата оказалась существенно больше, чем в Германии, где он все это время получал только пособие и редкие гонорары. Впрочем, он и теперь ездил туда довольно часто, так как за три года эмиграции почти свободно овладел немецким и заимел необходимые знакомства. Кроме того, вернувшись в Россию, он продолжил работать на некоторые западные издания, поставляя туда, как от него и требовалось, исключительно негативную информацию о положении дел в стране. Понятно, недостатка в таких материалах не было. Он даже стал известен в определенных кругах своими критическими статьями о первой чеченской войне, зверствах федеральных войск. Что делать: ничего другого не печатали, и он такую информацию выдавал, являясь для медленного поднимающейся России кем-то вроде повзрослевшего Павлика Морозова. Одно время ему за это очень неплохо платили. Более всего требовали информацию с места боевых действий с фотографиями, и он сам не один раз ездил на Кавказ. Но, уверовав в собственную неуязвимость, он в компании с какими-то правозащитниками сам ухитрился попасть в заложники – в самый что ни на есть настоящий зиндан. Провел он в том зиндане, кажется, не очень долго, но с месяца два точно. И они действительно сидели в настоящей яме, как в повести Толстого "Кавказский пленник", но к его ужасу все было реально и гораздо более жестоко. Их там постоянно били, пугали и унижали. На них иногда буквально мочились, а скудную еду кидали прямо на землю. Каждый день они, как рабы, вкалывали на хозяина: копали канавы, пилили дрова. Когда они работали, местные дети обожали кидать в них камнями. И очень больно. От такой жизни заложники завоняли поначалу, казалось, нестерпимо, но местные и сами воняли ужасно, и все вокруг там воняло и поэтому через какое-то время вонь уже никого не беспокоила. Потом откуда-то пришел отряд спецназа и убил всех бандитов и вообще, кажется, всех вокруг. Когда заложников вытащили из ямы, все было уже кончено. Парень-боевик, который только что управлял их

жизнями, как хотел, лежал тут же убитый, раскинув руки, с заголенным животом и в одном ботинке. Поплавский потом рассказывал, что ему на какую-то долю секунды стало даже жалко этого молодого парня, постоянно бившего его и притащившего сюда, как осла, на веревке. Это был известный психологический феномен, – так называемый "стокгольмский синдром" – странное необъяснимое чувство симпатии заложников к своим мучителям и, напротив, чуть ли не злобы к своим освободителям. Нередко заложники потом начинают утверждать, что к ним относились очень даже хорошо, и защищают своих похитителей. И у Поплавского возник точно такой же стокгольмский синдром, – только самый маленький – крохотный синдромчик, – буквально секундный. Там в яме он прекрасно понял, что при раскладе в пользу ЭТИХ, ЭТИ голову ему отрежут в самую первую очередь, не задумываясь, и всю его семью вырежут без каких-либо моральных колебаний и даже без особых эмоций. Соседи по яме настолько ему осточертели за два месяца, что он тут же и наколотил одному из них по роже. Поразительно, что освобожденные тогда правозащитники позже публично обвинили освободивших их военных в излишней жестокости.

Какой-то путешественник по Африке, вроде даже сам Дэвид Ливингстон, описывал, как однажды его внезапно схватил лев и потащил в заросли. Путешественник утверждал, что будто бы страх и ужас он ощущал только в самый первый момент, а потом уже ему было все равно и даже не больно – сработала какая-то древняя защита психики от подобных ужасных вещей. Сейчас трудно себе представить, какого было стоять воину передового отряда, когда на него несется, сверкая мечами и выставив вперед копыя, железная рыцарская конница. Это можно было выдержать только сгрудившись всем вместе, стоя плечом к плечу. Поэтому, наверно, в те века, да, пожалуй, и в нынешние, обычно воевали и воюют толпой, или в одной траншее, или хотя бы вдвоем. Так все-таки менее страшно.

В поездках по Чечне Поплавского несколько раз сопровождала его коллега-журналистка, некая Галина Арно (по прозвищу Крыса), бездарность, к тому же редкая стерва, удивительно тупая, но в силу своей природной склонности к истерии бесстрашная до безумия. Впрочем, позже оказалось, что она была гражданка не только России, но и США. Может быть, за то и дали ей это гражданство, что написала знаменитую книгу "Россия – на пороге нового тоталитаризма!", где вывела теорию, что в России никогда ничего хорошего в принципе не будет и никогда быть не может. В основном же она сочиняла репортажи о Чечне и за это даже ухитрилась получить премию ОБСЕ, и немаленькую, кажется, тысяч двадцать евро, чему Поплавский позавидовал. Интересно, что она работала в России одна, словно агент на оккупированной территории, а вся ее семья, включая бывшего мужа, обоих родителей, брата и сестру уже давно жили в Израиле, за исключением семнадцатилетнего сына, который жил и учился в США вместе с нынешним Галининым мужем – то ли Питером, то ли Майклом, про которого Поплавскому злые языки нашептали, что он якобы прожженный педрила, а Крыса и сама дама нетрадиционной ориентации, а поженились они исключительно с целью социальной маскировки и, главное, ускоренного получения Галиной Арно американского гражданства. Там в Нью-Йорке у нее была квартира и какие-то деньги на счете. Впрочем, в Москве она тоже снимала хорошую квартиру. Значит, денег хватало. Сын ее, постоянно что-то жующий жирный подросток, некрасивый в мать, уже говорил по-русски с явным акцентом. Год назад он приезжал в Москву на каникулы, и говорили, что все время просидел дома, на улицу почти не выходил, так как Москва внушала ему откровенный ужас, и он хотел к себе домой – в Америку. А не так давно Крысу застрелили прямо у подъезда ее дома, может быть, просто хотели ограбить, но шум поднялся страшный. Но это был риск профессии. Любая профессия имеет риски: банкира могут убрать конкуренты, врача за ошибку могут посадить, а в старые времена просто казнили, милиционера могут убить разбойники, а журналиста – люди, которым он испортил бизнес или просто оболгал. Месть, увы, это нормальная естественная реакция. Понятно, за просто так большие деньги не платят и американское гражданство запросто так не дают. Если погибает

альпинист, то люди скорбят, но не удивляются – такой уж он выбрал себе жизненный путь. Никто его не заставлял это делать. Нехорошо говорить, но Поплавскому Галину было совсем не жалко, а вот ее Крысеныша он искренне жалел, не без основания полагая, что Питер (или, как его, Майкл) мальчишку тут же и оприходует.

Рядом с палатой, где лежал Поплавский, была еще одна платная палата, на это утро пока что пустая. Борисков ее не любил. Там всегда как нарочно лежали пациенты с серьезными проблемами. Например, в начале прошедшей осени там некоторое время находился родной брат одного крупного питерского бизнесмена. Прислали его в Петербург из местной больницы с диагнозом рак поджелудочной железы. Он внезапно пожелтел. Хирурги разрезали живот, будто бы нащупали опухоль в поджелудочной железе, пришили желчный пузырь к кишке, и зашили, чтобы потом сделать повторную операцию по удалению опухоли. Провели ему обследование. Опухоль не выявили. Прямых показаний для операции не было. Скорее всего, он отравился грибами, типа бледной поганкой. Борисков так и записал, и пациента с рекомендациями отправили домой. В той местной больнице, говорят, поднялся страшный шум: "Да что они в Питере совсем обалдели: не понимают, что ли, – опухоль надо срочно вырезать!" Их тоже можно было понять: они хотели заработать денег. Брат того человека был человек богатый и готов был платить. Все были недовольны. Борисков тоже был недоволен, потому что больной не знал, кого из врачей слушать. Неправильное решение могло стоить ему жизни, если пропустить опухоль, или инвалидности, если сделать радикальную операцию. Это сильно давило на нервы, потому что все осложнилось токсическим гепатитом и воспалением желчных протоков. В конечном итоге, этот больной поправился, прибавил в весе и вернулся к нормальной жизни. Потом в этой палате лежал пациент с так и не установленным заболеванием. Он весь облысел. Он чем-то напоминал отравленного радиоактивным полонием английского шпиона. Иммунная система его была совершенно выключена. Потом за счет какого-то фонда его перевезли лечиться в Калифорнию, где он умер от кокцидиоидоза мозга – грибкового заболевания, присущего этому району США, где спорами грибов заражена местная почва. Видимо, случайно вдохнул споры, а его иммунная система с ними не справилась.

Однажды в этой палате лежали афганцы. В один день Борисков как обычно пришел на обход. Работал телевизор, царила праздничная атмосфера. Это было 11 сентября 2001 года – рухнули башни-близнецы, началась мировая война. Афганцы эти (то есть лежала жена, а муж ее Аманулла постоянно находился при ней в палате) были торговцы с Апраксина рынка. Жена эта была вроде и хорошая, но больная и никак не могла забеременеть, поэтому родственники мужа настаивали, чтобы он взял еще одну жену и даже подобрали невесту, но та была глухонемая. Аманулла спросил у Борискова, не родится ли от такой женщины глухонемой ребенок. Борисков знал, что в азиатских странах глухота часто возникает в детстве из-за нелеченных болезней ушей, а не из-за какого-то генетического дефекта, поэтому, если это конечно так, то дети должны быть родиться со слухом. Человек, побывавший в Афганистане при талибах, рассказывал, что одну женщину за то, что она рожала только девочек, побили камнями, а потом завернули в ковер и сожгли. Так у них было принято и считалось вполне нормальным. Впрочем, в каждой стране свои традиции и обычаи. Студент-конголезец, помнится, рассказывал, как проходят традиционные похороны в его родном племени. Колдун вводит в нос покойнику трубочку, пробивает кость, проталкивает трубку дальше в череп, насасывает оттуда мозга (скорей всего жидкости из желудочков мозга) и каждый из родственников должен был это проглотить – с этим будто бы передается часть души умершего и его опыт. Некоторые считали, что таким путем теоретически может передаваться и ВИЧ.

Как раз в тот период кафедра занималась проблемой эндокринных синдромов, сопровождавшихся выпадением волос и поражением внутренних органов. Одновременно по закону парных случаев в отделении еще лежала схожая по симптомам пациентка – девушка лет двадцати. Девчонка эта была совершенно лысая, как коленка, но не бритая и без облечения, а

с тотальной алопецией – то есть вообще без волос на теле, даже без бровей, и поэтому всегда ходившая в парике. И при всем том она была замужняя и любимая жена Люда. После ее выписки дня через три в клинике вдруг появился ее муж. Оказалось, она не приехала домой. Всё знающие медсестры подсказали позвонить некоему Саше, который лечился в это же самое время и с которым Люда очень подружилась. И действительно, оказалось, она домой она не поехала, а поселилась у этого самого Саши. Телефон Саши нашли в истории болезни. Позвонили ему. Подозвали Люду к телефону. А трубку дали мужу – тоже молодому парню, чтобы они поговорили. Тот сказал басом: "Люда, здравствуй, это я – твой муж Слава..." От этих их любовных страстей просто искрило на расстоянии. При всем том со стороны женского персонала отделения промелькнула некоторая попытка прикрыть девушку от мужа. Тут было что-то типа женской солидарности. Еще один такой уникальный тип как-то лежал тоже с тотальной алопецией, некто Федотов. Этот Федотов был уголовник, рецидивист. И при всем том удивительно приятный был в общении человек. Поначалу казалось непонятным, как он вообще попал в тюрьму. Однако оказалось, что он совершенно не переносит алкоголь, то есть, когда выпивает, у него напрочь сносит «крышу», и его тут же тянет на приключения и он вытворяет такие вещи, какие трезвым он никогда бы не сделал. В последний раз он ударил ножом водителя такси, отнял у него деньги и снял кожаную куртку. Во время госпитализации у него обнаружили опухоль во рту – на внутренней поверхности щеки. Он тогда выпил бутылку водки, взял обычную бритву и стал сам себе опухоль вырезать, заливая кровью всю палату. Его потом перевели в онкологию. Дальнейшая судьба его Борискову была неизвестна. Несомненно, у него был вариант некоего психического нарушения, вызывавшегося действием на мозг алкоголя или продуктов его обмена. И таких людей в России мягко сказать немало.

Иногда случались, впрочем, и действительно серьезные психические нарушения. Так однажды Борискову пришлось самому наблюдать знаменитый синдром Мюнхгаузена у одной молодой женщины, которая периодически поступала в клинику с воспалением почек, но как потом оказалось, каждый раз – перед сдачей на анализ – она колола иглой палец и капала кровью в банку с мочой и еще добавляла туда немного яичного белка. По этим анализам ей ставили очень серьезный диагноз интерстициального нефрита и лечили сильнодействующими лекарствами, включая гормоны и цитостатики. Так продолжалось лет пять, пока она не была буквально схвачена за руку в тот самый момент, когда капала кровью в мочу. Зачем это она делала – так и осталось неизвестным. Кстати, с тех пор мочу в подобных случаях брали только катетером.

Впрочем, по личному опыту Борискова, подобное психическое заболевание, хотя вполне и возможное, встречается не так уж и часто и главное это не пропустить что-нибудь серьезное. Такое тоже бывало. Так однажды на прием пришла женщина с жалобами на упорный кашель, которая до этого где только не была, и ей уже ставили психогенный кашель, но и нейролептики не очень-то помогали. Борисков, не зная, что еще и придумать, назначил бронхоскопию, во время которой в бронхе обнаружили инородное тело – косточку, которую больная однажды случайно вдохнула, поперхнувшись во время обеда. Самое поразительное, что она тут же об этом и вспомнила. В другой раз в поликлинике пропустили крупозную двухстороннюю пневмонию, долго считая, что это затянувшееся ОРЗ и что "больная просто придуривается", а потом, уже в стационаре, потребовалась длительная интенсивная терапия, чуть ли не с искусственной вентиляцией легких.

Что же касается крови в моче, то не так давно в этой же палате лежала другая больная. Она долгое время пила китайские травы для похудения и отравилась то ли какими-то содержащимися в них добавками, то ли химикатами в них попавшими, то ли чем еще – в ее моче вдруг появились эритроциты в большом количестве, ее моча стала цвета мясных помоев. Впрочем, под эту тему тут же на кафедре вспомнили историю, как во время командировки на Дальний Восток преподаватели съездили на выходные в уссурийскую тайгу и там ночевали в избушке

охотника, у которого была заготовлена целая банка настоя натурального женьшеня. Николай Петрович, доцент с терапии, мужчина уже к шестидесяти, из интереса выпил с полстакана и потом целую неделю имел некоторые физиологические неудобства, поскольку его мужской орган почти постоянно находился в боевой готовности, а жены под рукой, то есть под боком, увы, не было.

А до прошлой пятницы почти полтора месяца возле этой "трудной" второй палаты сидел вооруженный милиционер и читал книжку. В восьмой палате лежал Игорь Гамов, двадцати лет от роду. Отец его, богатый человек, отмазал его от армии, и он болтался без дела по ночным клубам, а днем спал. Вставал где-то часов в шесть вечера. Последнее время у этой палаты на диванчике сидел милиционер и читал книжку. Уже почти месяц здесь лежал молодой парень по сути своей совершенно здоровый. Игорь ехал пьяный на машине и сбил пешехода, чуть не насмерть. Причем будто бы на переходе, при свидетелях, пытался уехать (как потом оказалось, первая мысль была свалить, бросить машину, потом сказать, что угнали), однако тут же кто-то позвонил, за ним была организована погоня, стреляли по колесам, и лишь потом его задержали. Денег звонившие не требовали, а то поначалу подумал бы, что это известное мошенничество. Гамову позвонили, когда он проводил совещание, он тут же передал ведение заседания заместителю и вызвал к себе юриста. Тот покивал сочувственно, но без особой грусти – для него это был просто заработок. Нужно было немедленно ехать, договариваться, чтобы выпустили, наверняка дать денег, узнать, сколько будет все это дело стоить. Пьянство за рулем надо было как угодно из протоколов изъять, поискать знакомых в суде, прокуратуре, ГИБДД, узнать все о пострадавших и так далее.

Сын Игорь действительно вскоре вернулся вместе с очень довольным адвокатом и с синяком под глазом и довольно растерзанный на вид. Оказалось, все же отпустили под подписку о невыезде. Машина оставалась на милицейской стоянке. Игорь стал говорить, что все произошло случайно, что он вовсе и не пил ("Так ничего – стопка!"), потому и скрылся, что мог быть запах, но чуть-чуть не успел, а так бы не поймали. Гамову очень хотелось ему тут же хорошо надавать по лицу, но он сдерживал себя – не та ситуация. Можно было осложнить, но и так все проблематично. Игорь же был в эйфории: после вонючей кутузки ему казалось, что все уже позади и папа, как всегда, всемогущ. Адвокат показывал из-за его спины глазами Гамову, что надо бы поговорить один на один. Пошли в кабинет, тот выложил, что в машине Игоря ко всему тому нашли чеку героина.

– Да не может быть, наверняка подкинули! Цену набивают! – тут же сказал Гамов.

– Протокол есть протокол, – невнятно сказал адвокат, и чуть помявшись, продолжил: – Но главная проблема состоит в том, кого он сбил: все не так просто – это оказалась дочка Джамы. Я невероятным чудом сейчас Игоря вытащил. Под такое дело, ну вы сами понимаете. Тут не нога сломана. Компенсацией в штуку баксов тут не отделаешься.

Гамов не стал говорить адвокату, что у Игоря лежит билет на самолет, вылетающий через два дня в Лондон, где он должен был в течение полугода пройти стажировку по английскому языку. Но это уже было почти нереально. Хотя возможно это был бы самый простой выход – хорошо бы узнать, внесли ли его в базу данных на невыезд из страны. Кому можно было позвонить, узнать, как проскочить границу. Но это означало, что на долгие годы, если не навсегда, въезд в Россию был бы для Игоря закрыт, а депутатство самого Гамова летело (да наверно так и так уже улетело) в тартарары. Оно, впрочем, летело при всех вариантах, кроме одного, самого нереального: полное оправдание. Все, что вчера казалось таким простым и достижимым, весь стабильный уклад жизни Гамова рухнул в один момент. Захотелось проснуться, и понять, что это был только сон, но, увы – это был вовсе не сон, а жуткая явь. Жена Тамара прибежала с безумным видом: "Как наш Игорек?" Конечно, по ее мнению, он в принципе не мог быть виноват. Впрочем, сам он не кололся, это точно. Было бы заметно. Разве что курил иногда травку. Может быть, кто-то из его компании ширялся? А может, действительно, менты подкинули,

хотят денег? Игорь наверняка еще там устроил шороху: "Сейчас позвоню, мой отец-депутат..." и все такое. Те и перестраховались. На этом, кстати, можно было тоже сыграть: специально подставили депутата перед выборами, классический черный пиар. Но это была всего лишь часть проблемы. Главной проблемой был Исмаил Джамалов, или попросту говоря, Джама.

Джама являлся владельцем огромного рынка и чистым бандитом, родом еще из лихих девяностых. И тут можно было потерять все. Это было как объявление войны. Игорю была уготована смертная казнь, самосуд, причем в самом ближайшем будущем. Тут позиции Гамова были крайне слабы, все-таки нужно было уезжать за границу, притом еще и там постараться запутать следы, и чтобы не выдали в Россию по запросу. Джама был человек востока и кровной мести – он мог запросто Игоря заказать. Кровь за кровь – тут его логика была неоспорима. Он мог сказать Гамову так: ты забрал у меня дочь – я забираю у тебя сына, и мы в расчете. Это были древние и нерушимые правила. Но, скорее всего, они уничтожат всех Гамовых.

Сразу же старший Гамов и подумал, как это дочка Джамы вдруг "случайно переходила улицу"? Восточные женщины вообще без мужчин на улицу не выходят, должны сидеть дома в парандже. Адвокат тут все пояснил: оказалось, что все было не на переходе, а у ночного клуба "Виктория", собственности Джамы. Игорь, газанув, спяну выехал на тротуар. Сшиб девчонку и двух ее охранников. Охранники оба почти целые, разве что у одного перелом ноги. Девчонка же слетела со своих высоченных каблучков и ударилась головой о ступеньку. Теперь она была в коме в реанимации нейрохирургического института имени Поленова. В сознание так еще и не приходила. Камера наружного наблюдения записала происшествие, да и охранники все видели. Трюк с брошенной машиной, якобы от клуба угнанной, тут изначально никак не проходил. Любопытно, что менты тоже уже знали, что пострадавшая дочка Джамы. Потому, может быть, и отпустили Игоря. Убийство в камере следственного изолятора их вовсе не устраивало. Им, возможно, было интересно посмотреть, что же будет дальше, для них это было словно ловля на живца. Что теперь будет великий Джама делать? Им тут и работать не нужно, следствие вести: все равно парню каюк. Или все-таки уехать? Но нужен был другой паспорт, или надежный коридор по имеющемуся, то есть когда штамп ставится, а в компьютер паспорт не заносится. Торфяновка? Быстро тут не получится. Выехать на поезде на Украину или в Белоруссию, а уже оттуда на самолете? Нужно было посоветоваться со знающими людьми. Чеченские боевики как-то ведь ездят туда и обратно. Через Торфяновку шел товар компании и, конечно же, были знакомые прикормленные таможенники, но не пограничники. Но они же работают вместе, рядом, наверняка все знакомы по типу "Вася-Петя", но одно дело пропустить груз, другое – человека. Наверняка дыры в границе были, иначе как куча народу слиняла из страны безо всякого следа, а чеченские боевики спокойно катались туда-обратно. Можно, например, было бы взять паспорт у похожего парня, немного подгримировать Игоря, и проблем уехать на поезде на Украину возможно и не будет.

Что делать самому? Гамов хорошо понимал, что как только он сам уедет, как тут же его фирму захватят и хода ему назад уже не будет. Он много лет, более чем на общенациональные праздники или максимум на неделю летом из страны и из Питера не выезжал. Это было просто невозможно. Оставить за себя никого было нельзя. Только разве если самого ближайшего родственника, кому доверяешь абсолютно. Если бы только Игорь был здравомыслящий (Гамов-старший все еще наивно надеялся, что годам к двадцати трем – двадцати четырем что-то уж должно в голове появиться, какой-то здравый смысл). Он ощущал себя как в джунглях: того и гляди кинутся на спину и вгрызутся зубами в шею. Деваться было некуда, надо было звонить знакомым да готовить деньги. Много денег. Главное теперь было вывезти сына и жену из страны или хотя бы подальше из Питера. Желательно, уже сегодня.

А ведь, по сути, было просто несчастное стечение обстоятельств. Мало ли кто кого сбивал и сбивает. Все можно было решить. Людей много – они же как мухи. Заплатил энную сумму, и дело решено. Неприятно, конечно. Такой на памяти случай был: у одного знакомого сын,

такой же обалдуй, вколол героин своей несовершеннолетней подруге, а та возьми да и помри. И всего-то ей было семнадцать лет. Хотел просто трахнуть под кайфом. Ну и что: в конечном итоге девчонку на суде подали как отъявленную наркоманку, сказали, что ввела она себе героин сама, тому даже нашлись и свидетели. Короче, дело закрыли, девчонку похоронили, а бедолагу-сынулю родители, конечно, побранили-побранили да и спрятали за границей. Там до сих пор и сидит. Он тогда так напугался за сутки в КПЗ, что даже будто бы исправился. Впрочем, может ли негодяй исправиться? По виду он, как запомнилось Гамову, был чистый подонок! Деньги в таких ситуациях, конечно, очень многое решают. Но в этой, с Игорем, так не получится. Тут будет кровь за кровь, зуб за зуб. Мало не покажется, даже если девчонка, дай-то Бог, оклемается и останется жива. Никаких денег тут не хватит откупиться. Два разных космоса, две разнозаряженных системы волею обстоятельств соприкоснулись, и тут закончится может только взрывом. Реально можно было решить проблему только если убить самого Джаму, что казалось уж совершенно нереальным, потребовало бы колоссальных расходов и потащило бы, к тому же, за собой уже другие не менее серьезные проблемы. Хорошо, что Гамов всегда не доверял России, деньги частично переводил за границу, держал там некоторый запас и даже купил на Кипре небольшой бизнес. К тому же была и квартира на Кипре и еще на Канарских островах – скорее для отдыха, но как временное убежище сейчас вполне могла сгодиться. Деньги же основные лежали тоже на Кипре. Всегда ведь казалось, что вдруг снова будет революция. И теперь это себя вполне оправдывало.

Позвонил однокласснику Витьке Муравейко – посоветоваться. О Муравейке знал только, что он армеец, после школы поступил в военное училище, потом служил неизвестно где, дослужился до полковника. Ребята рассказывали, что воевал в Афгане, в Чечне, а где сейчас подвизался после выхода в отставку – было неизвестно. Близкой дружбы в школе между ними не водилось, но и конфликтов не было. Нормальные товарищеские отношения. Муравейко, сколько его помнил Гамов, занимался спортом, ездил на соревнования, был этим занят и друзья у него все были спортсмены. А тут года два назад появился на вечере встречи и вроде уже по гражданке. Самого что ни на есть гражданского вида. Правда, проскакивало: "Так точно. Есть". Оставил свой номер телефона. Если бы он сам позвонил, может быть и встретились бы. Наверняка он был бы с какой-нибудь просьбой. Гамов, конечно, выпил бы с ним по сто грамм хорошего коньяку и что-нибудь пообещал бы, типа: "Постараюсь сделать", и на этом бы они расстались еще на много лет. Таких знакомых из юности и даже из детства попадало не так уж и мало: кому ребенка устроить на работу или самому пристроиться. И надо сказать, если была возможность, Гамов всегда помогал. Хотя иногда требовали и нереальные вещи: просили очень много денег или достать кого-нибудь из тюрьмы. Денег Гамов никогда не давал. Хотя нет. Был такой случай. Пришел как-то один школьный приятель. Видно было, что прожженный конченный наркоман. Он него даже воняло чем-то кислым. Руки у него были мокрые и холодные. Что-то такое стал плести про бизнес. Действительно лет пять назад ездил он на хорошем "Мерседесе", что-то такое там делал. Даже встретились с ним как-то в Италии на море и неплохо провели время. И тут запросил в долг денег на неделю. Гамов дал ему половину требуемой – впрочем, и не слишком большой суммы. Это для Гамова означало откупиться. Он знал, что тот никогда не отдаст. Он уже слышал, что бывший одноклассник просто ходит по любым знакомым и берет деньги у всех, кто дает, и никогда не возвращает. Но Гамов ему дал, и зато больше уже никогда он его не видел.

Но вот в чем была проблема: Витя Муравейко у Гамова никогда ничего не просил. И ему нельзя было сказать: я тебе тут однажды помог, а теперь и ты мне помоги. И Гамов сам позвонил Муравейко, чтобы просить его. После незначущих общих фраз спросил:

- Ты где сейчас работаешь?
- Служба безопасности Севзаптрансгаза.

– Мне нужно с тобой посоветоваться по одному важному делу. Очень срочно. По поводу сына. Не по телефону. Может быть, встретимся. С меня хорошая еда в хорошем ресторане.

Витя Муравейко хорошо знал, с кем договаривается, и прекрасно знал, что любой дорогой ресторан Гамову будет не в напряг. Значит, что-то очень нужно. Сразу ответил, что согласен. Он вообще-то был любитель хорошо посидеть и вкусно поесть.

Договорились встретиться в тот же день вечером в восемь в одном хорошем ресторанчике. И эта была та встреча, которую Гамов ждал с нетерпением и с волнением. Приехал заранее, выбрал столик подальше, чтобы никто не мешал поговорить. Муравейко прибыл ровно в семь, причем, минута в минуту. Крепко пожали друг другу руки, сели, сделали заказ. Место было тихое, с живой ненавязчивой музыкой: фортепиано, струнные. Можно было спокойно говорить, не орать. Гамов часто приводил сюда деловых партнеров, счета, естественно, проводил как представительские расходы. Тут и директор был знакомый и официанты. Интерьер был сделан как типичная немецкая пивная. Очень дорого, но и очень вкусно и приличное обслуживание. Гамов сразу сказал Муравейке:

– Можешь заказывать, что хочешь, это за счет фирмы.

Этими словами тут же убиралась зависимость, что человек кормит за свой счет и ты ему должен. Пока ждали заказ, выпили по кружке хорошего пива.

Сначала начали говорить ни о чем, типа о погоде, хотя Гамов чувствовал, что время просто вытекает, буквально хлещет. Зудело посмотреть на часы.

Потом принесли горячее. И тут Гамов приступил:

– Витя, хотел посоветоваться по одной серьезной проблеме. Не знаю, можно тут чего-либо сделать, но, по крайней мере, хоть дай совет.

Изложил все четко, буквально по пунктам. Аварию можно было подать как неисправность машины, замаять алкогольное опьянение, но проблемой оставался Джама.

Идея Гамова в привлечении Муравейки состояла и в том, что тот всегда воевал против таких, как Джамалов. Между тем Гамов сказал:

– Только ты пойми, я сына никак не оправдываю, но дело в том, что у меня он один, какой бы он ни был. Это, надеюсь, возрастная глупость. Конечно, тут есть и моя вина: упустил сына. А он всегда думал: отец поможет, выручит... Беда.

Муравейко подумал, глядя в пиво.

– Да, дети наше слабое место. У меня сыну шестнадцать, тоже постоянно перечит. Никаких авторитетов для него не существует. Возраст. Сами такими были. Надо пережить.

Гамов про себя этому порадовался. Значит, понимает.

После паузы Муравейко продолжил:

– Джама я знаю. Джама раньше был настоящий бандит, а сейчас легальный бизнесмен, платит налоги, у него в правительстве города свои люди прикормлены, но он был, есть и навсегда останется бандитом и врагом России, хотя и является российским гражданином. Про дочь его ничего не скажу, возможно, это и достойная девушка. Но она дочь бандита и непременно будет ввязана в его работу. Я понял проблему. Сейчас тебе ничего не скажу. Позвоню завтра. Часа в два. Мне нужна дополнительная информация.

Дальше просто хорошо посидели, больше уже ни о чем серьезном не разговаривая. Вспоминали, кто проявлялся из школьных знакомых.

Муравейко позвонил на следующий день ровно в 14 часов. Это Гамов автоматически отметил по часам на телефоне. Эти полдня прошли в суете и притом совершенно бессмысленной. Вроде шараялся туда-сюда, искал запасные варианты, но все без толку. А до сына все еще не доходило, как он влип. Искали заграничный паспорт, и нигде не могли найти. Куда-то Игорь его запропастил. Делать новый было уже поздно, простая проверка по базе данных – и все. Это был не тот уровень, чтобы из-за какого-то не столь уж богатого по большим меркам коммерсанта система контроля дала сбой. Наконец, к полудню паспорт таки нашелся. Там

была действующая финская шенгенская мультивиза. Сдают ли заграничные паспорта, когда имеется подписка о невыезде? Выехать через Украину или Молдавию? Тогда ехать лучше на машине, чтобы не оставлять следа, поскольку железнодорожный билет именной, хотя можно было найти паспорт со схожим лицом – кто там будет присматриваться. Хоть сам едь, чтобы все контролировать, но самому Гамову было сейчас не уехать. Джама мог подключить своих людей в милиции: "Здравствуй, дорогой, это Закир Джамалов говорит, как здоровье, как дети, жена?.. Все хорошо, слава Богу! У меня к тебе небольшая просьба. Я в долгу, как ты знаешь, не останусь". И все. Вычислят местоположение по мобильнику и встретят их, где хочешь, хоть в Киеве. В любом городе есть чеченская банда. Надо будет ехать вообще без связи, или брать чужой телефон для экстренной связи, надо сказать, чтобы купили прямо сейчас на кого-нибудь simm-карту. И еще нужно было предвидеть, что весь Гамовский бизнес неизбежно будет раздавлен. Позвонили, доложили: девчонка Джамалова находится в реанимации, состояние тяжелое, но жива. Сам Джама наверняка там. Пружина уже была взведена. Главное, чтобы не арестовали Игоря. Попасть в СИЗО – это был бы для него конец: его просто убьют или изувечат в камере. Там имеется надежная связь с волей через мобильники, и у Джамы наверняка туда есть свои каналы.

И вот, наконец, в два часа дня раздался звонок от Вити Муравейко. Опять сначала пара незначущих фраз, потом по делу:

– Тебе сейчас позвонит человек по фамилии Иванов. Зовут Сергей Иванович. Его эта проблема интересует непосредственно по работе. Договоритесь с ним о встрече. Пока.

Надпись "Частный вызов" возникла на мобильнике почти сразу же после этого:

– Это Иванов. Где мы можем встретиться?

Иванов Сергей Иванович оказался довольно молодым парнем, лет, наверное, двадцати семи – тридцати. Если бы Гамова попросили составить его словесный портрет, он бы затруднился это сделать. Иванов сказал:

– Джамалов в этой ситуации вполне может засветиться, наделать глупостей, и тогда мы сможем его взять.

– А как мне быть с сыном? Его ведь могут арестовать до суда.

– Я думаю, нет. Это же не намеренное убийство, а случайное дорожное происшествие. Только подписка о невыезде. А чтобы не приехали какие-то люди под видом ареста, спрячьте его на даче у знакомых или друзей, выключите мобильный телефон на его имя, променяйте карту. Когда повестка к следователю?

– Еще не получали.

– Хорошо. Еще один вариант: больница. То есть будто бы при аварии получил травму, или уже до этого плохо себя чувствовал, типа был отравлен. Только обязательно уберите данные из справочного отделения больницы. Это несложно.

Тогда-то Гамов и позвонил Борискову. Отдельную палату-люкс можно было выделить без проблем. Только плати. Однако проблемы были с самим парнем. Борискову жаловались на него почти каждый день:

– Пристают к медсестрам! Кате залез под халат, предлагал деньги за секс!

– И она отказалась?! – Борисков в шутку выказал на лице выражение притворного ужаса. Парень точно был неисправим. Старшая медсестра не нашлась, что и ответить:

– Вам, Сергей Николаевич, смешно, а персонал страдает.

– Надо белье под халат надевать, и не провоцировать пациентов.

Девятнадцатилетняя Катя надевала коротенький халат прямо на символические трусики-стринги и лифчик. Все это хорошо просвечивало. И й наверняка нравилось флиртовать с Игорем Гамовым.

– Пусть тогда Мария Николаевна туда ходит, – предложил Борисков и сам расхохотался своему предложению.

Марии Николаевне было уже далеко за пятьдесят, весила она точно под сто килограммов, и у нее абсолютно ничего не просвечивало. Она представляла собой монолитную глыбу и вообще никогда не улыбалась.

Борисков решил сам навестить парня. Постучал, и, не дожидаясь ответа, зашел. В палате грохотала музыка. Игорь Гамов лежал на кровати поверх покрывала в футболке и шортах с закинутыми на спинку волосатыми ногами, смотрел телевизор. От Игоря явно пахло пивом. Тумбочка и столик были буквально завалены явно небожничной едой: чипсы, бананы, гора яблок и прочее. Молодой, здоровый, румяный и испорченный парень. Интересно, насколько. Как он себя поведет себя, если что, в тюремной камере? Кстати, вполне может отдать однокамерникам свои запасы, всех там кормить, и тем прожить. Источник еды ценится в любой ситуации. Впрочем, на маменькиного сынка он явно похож не был. К тому же он был очень коммуникабилен. вполне может выжить и в тюрьме. С кровати парень даже не поднялся, только звук у телевизора (а это гремело МузТВ) приглушил, но на экран продолжал поглядывать: "Здрасьте".

Удивительно, но парень Борискову почему-то не то чтобы нравился, но не вызывал у него раздражения, скорее сочувствие. В его характере было что-то такое, что всегда в жизни не хватало Борискову, и чему в глубине души он завидовал. Он напоминал ему Давида, приятеля по институту. Хотя Давид, конечно, был особый фрукт. Совести он никакой не имел вовсе. К нему бы очень подошло, пожалуй, определение, которое якобы Ницше дал истинному арийцу: "Насмешливый и беззаботный", хотя Давид вовсе арийцем и не был, да и близко похож не был – темные волосы, карие глаза. Да и что такое вообще есть ариец? Но он мог делать то, что Борисков никогда сделать бы не смог. Помнится, на последнем курсе института отмечали Новый год. Отметили. Потом одной девушке понадобилось уйти. Давид вызвался ее проводить. Она была чуть выпивши, хотя и не слишком пьяна, но и не вполне адекватна. Мужчина с совестью этим бы не воспользовался. Давид же никакой совести не имел и трахнул ее, несмотря на довольно сильный мороз, прямо в телефонной будке. Сейчас и будок-то таких закрывающихся не осталось. Сам Борисков даже физиологически не сумел бы сделать это в будке да еще и зимой, когда на обоих партнерах куча одежды – пока только доберешься до тела, уже все возбуждение пропадет. А Давид вот как-то смог. И еще притом, что это была подружка другого парня, близкого его приятеля, которая продолжала с тем парнем встречаться, но с тех пор уже и с Давидом иногда тоже. А за того парня она позже вышла замуж. Давид на свадьбу тоже ходил. Борисков в такие отношения даже и не пытался вникать. По тем временам в специфику возраста в студенческой среде вокруг происходило какое-то постоянное сексуальное кишение, гормональный переполох. А в этом деле, пожалуй, друзей не было. Он бы свою близкую подружку в одной комнате с Давидом наедине не оставил бы, пожалуй, и на десять минут. Тут уже без обид. Есть такие вещи, которые нельзя делать, чтобы потом не обижаться, типа например, оставить магнитолу или дипломат с деньгами в машине, незапертую квартиру или Давида на десять минут со своей девчонкой.

Если определять их отношения, то Давид был просто институтский приятель. Сказать, что он был друг, как-то язык не поворачивался. В России понимание слова "друг" несколько другое, нежели на Западе. Там словом друг называют любого человека, с которым у тебя дружеские или приятельские, а иногда и просто хорошие отношения. Иногда он вел себя, как казалось Борискову, очень странно и неадекватно. Как-то на практике им поручили отвезти на исследование в другой корпус неврологического больного. Больной был после инсульта, сидел в кресле, говорить не мог. Нужно было спустить его по пандусу. Борисков пошел вниз первым, а Давид застрял наверху, потом вдруг закричал ему: "Эй, Серега, держи его!" Ему не пришлось в голову ничего лучшего, как отпустить кресло-каталку своим ходом. Кресло, разгоняясь, покатилось с горки. Борисков на всю жизнь запомнил вытаращенные от ужаса глаза несчастного больного, и то, как он еле-еле действующей ногой пытался как-то тормозить, а коляску из-за

этого потащило в сторону, и она едва не перевернулась. Насилу Борисков ее поймал. Это в общем-то было в стиле Давида, и он бы удивился, если бы ему сделали замечание: "А чего тут такого-то?" С этим Давидом они не раз влипали в самые неприятные истории. Куча приключений, по рассказам, была с ним и на военных сборах в Кронштадте. Там Давид там стал курить в строю, а потом послал подальше сделавшего ему замечание коменданта гарнизона: "А ты, на хрен, кто такой вообще?", – что имело опять же серьезные последствия для всех. И все равно его тянуло к Давиду – в нем было то, чего не было в Борискове, – та самая бесшабашность и отчаянное бесстрашие, что в Игоре Гамове. Те черты, которые в самом Борискове начисто отсутствовали. Так однажды во время практики Давид переспал прямо в больнице с чьей-то чужой женой, которая там работала буфетчицей, причем женщина была старше его лет на десять. Ужас заключался в том, что в это самое время, когда те занимались сексом прямо в буфете, Борисков всеми усилиями отвлекал мужа этой самой буфетчицы, который упорно рвался к ней и повторял: "Да где же, где же она?"

Борисков в принципе не смог бы такого проделать. Его утонченная нервная конституция требовала для интимной близости определенных комфортных условий. И, прежде всего, тишины и уединенности. Он не мог бы, как некоторые, трахнуть, например, с чужой женой на кухне, затыкая ей рот полотенцем, чтобы громко не стонала, пока ее муж смотрит в другой комнате футбол, и еще во время этого дела с ним переговариваться: "Вася, какой там счет?"; или, скажем, со стюардессой в туалете самолета, – у него просто ничего бы не получилось. Впрочем, он и не пробовал.

Давид со своим характером вечно попадал в разные неприятные истории. Так однажды ни с того ни с сего он выступил на соревнованиях по рукопашному бою за одного парня по фамилии Пономаренко. Тот, увидев своего противника, испугался и хотел с соревнований добровольно сняться. Давид, будучи по природе довольно крепким физически, тут же влез выступать за него. И выступил. Бой шел в шлемах, под которым его узнать было довольно трудно, и он выиграл нокаутом. За судейским столиком что-то заметили и приказали бойцу снять шлем. Давид упорно шлем не снимал, делая вид, что не слышит. Но кончилось тем, что шлем сняли и его с позором изгнали, а победу присудили тому побежденному им парню, который, впрочем, был избит страшно. И таких историй было множество, а Давиду все было как с гуся вода. Борискову даже казалось, что люди на таких, как он, людей даже не обижаются.

Они были чем-то похожи: Давид и Игорь Гамов. Хотя с Гамовым, казалось, было все гладко, Борисков ждал неприятностей каждый день. И вот однажды это чуть не случилось. У центрального входа остановились два джипа. Оттуда высыпала целая толпа черноголовых мужчин в кожаных куртках. Почему-то казалось, что все они вооружены, хотя оружия явно видно не было. Но прошло буквально всего две минуты, как у въезда на пандус появилась машина УВО, которая остановилась не в самой близости, но в пределах прямой видимости. Никто из той машины не выходил, но экипажи джипов, народ явно отвязный, как-то потоптались, потоптались, сели назад в свои тачки и уехали. Видимо позвонили хозяину, а Джама не рискнул вступать в открытое столкновение – дал отбой. Не исключалось, что милиционеры сидели в машине со взведенными автоматами, и тоже ждали команды от невидимого наблюдателя, а за углом стоял целый автобус ОМОНа. В этом задрипанном автомобильчике УВО могли сидеть вооруженные до зубов профессионалы, и еще несколько их располагаться на соседних крышах. Если бы бандиты влезли в перестрелку, их могли бы перебить мгновенно. Рисковать Джама не хотел, а последние годы и не любил. Ему нравилось все делать наверняка. Поэтому его трудно было словить.

Похоже, поймать Джамалова решили на его самом слабом звене – на ярости, несдержанности в гневе. Ведь по племенным законам он был обязан отомстить несмотря ни на что, иначе, как говорят китайцы, он "потеряет лицо". Все ждали: ну, давай, мсти. И тогда ты сядешь, и рынок твоим уже больше не будет. Это была ключевая точка противостояния. Восток столк-

нулся с Западом. Могла быть проведена конфискация имущества и так далее. А клан его вовсе не хотел терять этот огромный рынок, который русские вполне могли прибрать к рукам, если бы Джама посадили.

Идея Иванова и его компании, вероятно, состояла в том, что Джама где-нибудь неизбежно проколется. На самого Гамова и его сына Игоря по большому счету всем было наплевать, но были затронуты еще какие-то высшие интересы, и именно потому эта ситуация была воспринята органами с необычно большим вниманием. Не исключено, что Джама просто полез в политику, начал финансировать не того кандидата, не то политическое движение или просто кому-то понадобился этот рынок или участок земли под ним, поскольку место было хорошее для любого строительства.

Иванов позвонил тем же вечером:

– Вы особо-то не беспокойтесь! Я полагаю, в больнице все будет нормально. Это так, игра на нервах, проверка. Прямое нападение – маловероятно. Там есть тревожная кнопка, охрана. А запускать кого-то с отравленными иглами – это не в их стиле. Если все же боитесь, оплатите круглосуточную охрану палаты, лучше договориться с милицией – они всегда рады подработать. Это не так и дорого. Убивать милиционера ради вашего парня они не будут – это не тот случай.

Говорил он все очень спокойно, и ему хотелось верить. Гамову нравилось с ним говорить. Иванов успокаивал. Иванов вообще внушал спокойствие и уверенность. От него исходила сила той мощной крыши, за которой стоит государство. За всем этим ощущался некий колоссальный опыт, которого не было, да в принципе и быть не могло ни у какой даже самой большой банды, и даже ни у одного конкретного человека, потому что за этим стояла огромная система со всеми своими учебными центрами, безграничными людскими ресурсами и техническими возможностями, хотя и с соответствующими слабостями и недостатками тоже. Люди, подобные Джама, при всей своей, казалось бы, полной отморозенности по существу боялись только этих Ивановых и больше никого, бешено ненавидели их за этот свой страх, но сделать ничего не могли. Обычного человека они могли запросто прибить на месте. Если бы не было Ивановых, вполне могло случиться так, что люди должны были бы разбежаться и прятаться, когда выходил Джама, а то и вставать перед ним на колени.

Сам Иванов был невысокий, вообще самых средних параметров, но в нем была некая уверенность, и было ясно, что он совершенно не боится ни Джама, ни других подобных типов. Он их ловит, когда они делают ошибку. И они сами боятся, таких как Иванов, несмотря на свою браваду и кажущуюся вседозволенность.

Повестка в суд по делу Игоря Гамова еще не приходила. Адвокат хорошо поработал через своих знакомых в ДПС-ГАИ, сделал документы по представлению подсудимого в суде без его прямого участия, взяв справку в больнице у Борискова. Все эти дни было как-то подозрительно тихо. Хотелось верить, что это надолго, но так не могло быть. Потому что просто так не бывает. Гамов-старший планировал оправить жену за границу, но та наотрез отказалась. Он хотел, было, наорать, но взглянул на нее и осекся. Глаза ее были безумны, она была невменяема. Единственного сына она оставить не могла. "Надо было еще одного ребенка родить, ей было бы легче в этой ситуации, и этот, глядишь, не был бы таким балованным", но тогда не получилось, а теперь уже было поздно. Гамов даже взгрустнул по этому поводу. Это была как бы шахматная игра, где Гамов был даже не фигурой, а простой пешкой. Ему это, конечно, не нравилось, но ничего поделать он не мог. Вы ходите так, а я так.

История это закончилась так же внезапно, как и началась. Во вторник Джама выехал на своем "Мерседесе" с охраной из своих нукеров, находившихся в машине сопровождения. Недалеко от дома его встретила засада – лобовой огонь из двух автоматов. Джама был убит на месте. У него насчитали восемнадцать пулевых ранений, хотя в газете почему-то написали про шесть. Убиты были также оба его телохранителя. Автоматы нашли тут же на месте преступле-

ния. Схема была очень простая, даже примитивная, но по сути идеальная. Два неприметных человека, стреляли в упор, среди бела дня, потом зашли за угол и уехали на обычной машине, которую нашли неподалеку, видимо там они пересели на другую. На этом история с наездом и кончилась. Никто ничего не слышал о дочери Джамы, видимо ее отправили после лечения к родственникам на родину. Самое поразительное, что "Мерседес" оставался на ходу, хотя внутренность его представляла ужасающее зрелище. Его загнали в гараж и теперь думали, что с ним делать. Можно было продать за какие-то тоже немалые деньги в ремонтную фирму, где бы из другого Мерседеса, может быть даже угнанного или битого, переставили бы обшивку салона и кресла.

Никогда Гамов не радовался чужой смерти, а тут было как праздник. Пошел в храм, поставил самую толстую свечку. Однако, ситуация в целом еще была непонятная, и Игоря решили подержать в больнице еще пару дней.

Борисков самого Джамалова никогда вживую не видел. Из известных криминальных авторитетов у него лечился разве что один бандит с типично большевистской фамилией Кремнев (не исключено, что с тех времен (двадцатых годов) и осталась – многие тогда фамилии меняли, а родная вполне могла быть, например, Пупков), и соответственной ей кличкой Креммень. Это был настоящий вор в законе, но уже новой формации. Человек этот был даже с виду страшный, но очень богатый. Жил в роскоши в огромном особняке под Сестрорецком, на пальце носил перстень с тремя изумрудами. Жена у него была молодая и очень красивая, про нее говорили, что она из бывших элитных проституток. Она тоже как-то лечилась от последствий многочисленных половых инфекций и от бесплодия. На прием всегда приезжала на разных машинах. Однажды Борисков спросил ее:

– Лариса, скажи, пожалуйста, сколько у вас всего машин-то?

– Да я и сама, доктор, не знаю! – ответила она совершенно искренне.

Потом Кремнева застрелили. Причем, чуть не тем же вечером по телевизору в криминальных новостях показали запись камеры слежения в ночном клубе "Луксор". Запись была плохого качества, как бы рывками и черно-белая. Оказалось, что двое киллеров в длинных черных плащах расстреляли Кремнева в упор из автоматов. Ларису, его жену, Борисков тоже больше не видел. Она уже больше не приезжала.

В пятницу Игоря Гамова выписали из больницы. Оказалось, эта история имела скорое продолжение, хотя Борисков об этом так и не узнал, а, впрочем, если бы даже и узнал, то совсем не удивился бы. Вечером в субботу, то есть буквально на следующий день, Гамов-старший обнаружил, что нет ключей от джипа. В гараже машины тоже не было. Стало ясно, что "лэнд-крузер" взял Игорь. Мобильный телефон его не отвечал. Все прояснилось ближе к полуночи. Позвонили из милиции. Оказалось, что Игорь откуда-то ехал совершенно пьяный с девчонкой на «лэнд крузере». Какая-то женщина-водитель на своей крошечной "Дэу-матиз" затормозила перед ним на светофоре, а он, думая успеть проскочить, сходу въехал этой машинке в зад, сплющив ее почти наполовину. От страха он резко сдал назад и насмерть раздавил переходившую дорогу в неположенном месте пожилую женщину. Тогда он решил объехать разбитую "Дэу" и резко рванул вперед, переехав еще одну женщину уже прямо на пешеходном переходе. Потом он попытался сбежать, его поймали прохожие и начали бить. Он вырвался от них и заперся в машине, откуда его уже извлек прибывший наряд милиции. Теперь он сидел снова в КПЗ и молчал. Номер телефона старшего Гамова легко вычислили, выяснив на кого зарегистрирована машина. Гамов выслушал информацию, отключил трубку и подумал: "Вот и все". Все было зря. Изменить судьбу было невозможно. Надо было сдать сына в армию. Все могло быть по-другому. Это все жена: "Никаких армий! Ребенка там замучают!" Кстати, самому Игорю было по этому поводу все равно: как скажете. Что тут можно еще сказать: действительно "насмешливый и беззаботный".

Навстречу в коридоре Борискову попался заведующий радиоизотопной лабораторией Иван Сергеевич Мороз, с которым Борисков обычно встречался даже не работе, а в бане на улице Достоевского по субботам. Кроме этой работы, у Мороза еще была своя небольшая фирмочка по производству биологически активных добавок, или БАДов, под названием что-то типа Долголетиум-плюс и еще каких-то таблеток для вечной молодости. Они покупали якобы в Сибири какую-то лекарственную траву: трава была настоящая, прессовали ее в таблетки (одна таблетка обходилась в 5 копеек), заказали красивые баночки и этикетку, на которой написали, что средство якобы одобрено каким-то НИИ физиологии (вероятно, такого и не существовало вовсе), фасовали по 100 штук и продавали по 50 долларов за упаковку, а на курс надо было купить не менее семи банок (иначе не поможет). Пять рублей за упаковку (сто таблеток) превращались в 50 долларов, ну там, конечно, основные расходы шли на рекламу: заплатили одному известному артисту из бывших советских звезд, который как раз голодал и был готов на все, лишь бы ему хоть что-то дали. Прокрутили ролик по местному каналу, и дело пошло! Рентабельность бизнеса выходила сумасшедшая, хотя, по сути, это был чистый лохотрон, но легальный и по большому счету безвредный. Та же трава в коробочке россыпью стоила в обычной аптеке от силы рублей десять. Мороз сам этому смеялся: "Дураков надо учить. Они для этого и сделаны. Народ в основной своей массе – это скопище дебилов, посмотри, что они смотрят, что читают и кого они выбирают!" Считал, что в России всегда можно заработать, надо только хоть что-то делать. И еще говорил: "Пенсионеров ты особо-то не жалея – они сами создали этот сегодняшний мир, он вылез из того самого говна, которое было ими наворочено. Не надо было революцию делать, сейчас бы, будучи на пенсии, ездили бы по всему свету и отдыхали зимой на Канарах, как немцы да французы. Чем мы были хуже тех стран – только лишь одной системой управления. А расстояния, просторы – все это фигня, и то, что якобы у нас всегда холодно и от этого бедность – тоже фигня. А система управления государства берется из менталитета. Вы, традиционные врачи, не можете заставить стариков купить дорогое опробованное, с доказанным эффектом лекарство, а тут они сами покупают явное фуфло, а самое главное, никакого вреда от него не будет – потому что это по большому счету пустышка-плацебо. И все потому, что вы продаете лекарство, где указаны множественные побочные эффекты, а я продаю пищевую добавку, надежду на исцеление, и у меня вообще нет никаких побочных эффектов. В худшем случае это плацебо, но ведь иногда и плацебо помогает! Если, конечно, веришь".

На эту тему они постоянно лениво перебрехивались в бане с Борисковым, но не злобно, а просто так. Это была своеобразная традиция. И в этом тоже был некий поиск истины.

Кроме БАДов он продавал еще очки от наркомании, волшебные лампы против плесени и какую-то специальную стиральную машину для ног, будто бы убивающую на ногтях грибок. И, что самое удивительное, люди брали.

На второй терапии был еще один доктор, который тоже довольно неплохо зарабатывал на биологически активных добавках, впаривая их всем своим больным подряд под лозунгом "хуже не будет". А что делать: надо было как-то кормить семью. Дочка ходила в кружки, сын – на карате. И надо отдать ему должное, в нем присутствовал определенный гипнотизм и убедительность, люди покупали добавки, и дела у него шли очень хорошо.

А в подъезде соседнего дома напротив того места, где жили Борисковы, работала целая фирма по продаже тибетских чаев, явно обладающих психотропным действием, от которого все его продавцы, которые в большинстве и сами всегда пили этот чай, были как чокнутые или загипнотизированные. Потом эту фирму разогнали, а ее безумные посетители еще долго туда приходили.

В двенадцать часов по средам в больнице обычно проходили клинические разборы, и все незанятые неотложными мероприятиями врачи терапевтических отделений должны были на

них присутствовать в обязательном порядке. Некоторые врачи пытались на разборы не ходить, но главный обязал всех быть – это, мол, обязательная форма обучения. Даже завели специальную тетрадку, куда записывали всех присутствующих под роспись. Борисков, впрочем, иногда подговаривал медсестру, чтобы она вызывала его в отделение – будто бы по делу, но обычно сидел до конца, слушал и по ходу писал дневники и эпикризы в истории болезни. На разборах присутствовали слушатели курсов повышения квалификации, клинические ординаторы и врачи. Каждый клинический разбор проходил по-разному в зависимости от кого, кто его проводил, а иногда и сам заведующий кафедрой в зависимости от настроения мог провести разбор быстро и четко, без рассусоливания, но иногда любил растянуть, поспрашивать мнение присутствующих, поднимал людей, чтобы потом показать, какие они все дураки. Ему нравилось подавлять интеллект, сложными терминами. Он мог без запинки произнести название какого-нибудь фермента, которое ни один человек в здравом уме ни за что не запомнит, да и запоминать не будет. Впрочем, Борисков на такие трюки уже давно не покупался. Он прекрасно знал, что выступление всегда тщательно готовилось заранее: история болезни подробно изучалась, отработывался диагноз, по нему готовились детальные материалы, и надо признать, это действительно давало реальную пользу, поскольку многие что-то подзабыли, а тут получали к конкретному случаю самую свежую и достоверную информацию. Хотя случались и накладки. Так однажды приготовили комментарий на один, казалось бы, правильный диагноз, а в процессе обсуждения представление о больном кардинально изменилось. И тут интеллектуальная машина забуксовала. Тема явно была профессору детально незнакома. Борисков тогда даже замер: что же он будет делать. Впрочем, профессор Терещенко и тут вывернулся: вышел будто бы помыть руки после осмотра больного и сделать срочный телефонный звонок и за эти несколько минут посмотрел толстенный американский справочник, который всегда держал под рукой, и вернулся в зал уже спокойный и уверенный, снова показав свое интеллектуальное превосходство. Надо сказать, что слушателей это тоже всегда впечатляло: "Вот это кафедра! Вот это великие умы!" Профессор с другой кафедры под настроение любил рассказывать какие-нибудь необыкновенные истории о мартышках, которые бегают по джунглям и покусывают ядовитых червей, чтобы получить кайф. Тут будто бы проявляется тяга разной твари к одурманиванию. Что-то еще такое было про пьяную тлю.

Когда Борисков вошел в конференц-зал, разбор уже начался. Клинический ординатор – девушка, тоже откуда-то из южных республик – еле слышно с сильным акцентом докладывала историю болезни. Далее осмотрели саму больную. Потом профессор Самсыгин начал свою речь, которую уже невозможно было остановить просто так. Осенью с большой помпой отметили его семидесятилетие. До шестидесяти пяти он сам заведовал кафедрой, а потом на это место пришел новый, относительно молодой профессор, его же ученик и выдвиженец Терещенко, а самого Самсыгина оставили здесь же на кафедре вторым профессором. Его так теперь и называли "старый профессор". В этот раз он и вел разбор. Терещенко же опять куда-то уехал – говорили, что зарабатывать: читать лекции, рекламировать препараты. Придя на заведование кафедрой, он тут же подгрел под себя все, что дает основные деньги: диссертантов, контакты с крупными фармацевтическими фирмами, платные лекции, и, как следствие, поездки на конгрессы за границу. Известно, что он официально работал на одну крупную американскую фармацевтическую компанию и еще как придется на кучу других, кто только платит. По сути, он подрабатывал рекламным агентом и числился у американской компании на постоянной ставке консультанта, говорили, что в две тысячи долларов ежемесячно. Преподаватели среднего и нижнего звена (доценты и ассистенты), которых до больших компаний не допускали, подкармливались у менее крупных, выпускающих так называемые генерики – препараты, имеющие тот же состав, но обычно более дешевые. Этим они отличались от гораздо более дорогих – так называемых "брендов" – оригинальных препаратов, непосредственно разработанных и испытанных фирмой. Впрочем, и те и другие производители опекали также и простых

врачей, поскольку понятно, что большинство назначений лекарственных препаратов делают именно врачи первичного звена. Известно, что в основном люди покупают лекарства за свои личные деньги или по льготным рецептам, которые им выписывают врачи поликлиник. Кстати, начмед больницы тоже дружил с американцами и однажды даже устроил проверки амбулаторных карточек и историй болезни, что там врачи назначают и какие препараты рекомендуют.

Впрочем, лекарства – для бизнеса по сути такой же товар, как и сковородка или хлеб. Однако разработка нового препарата обходится во сто крат дороже. Известно, что лекарственные средства разрабатывают всего не более пяти-шести компаний в мире. В наше время такая разработка стоит огромных денег. Наиболее дорог даже не химический синтез самого вещества и его фасовка, а клинические испытания будущего лекарства на безопасность. Оплачивает их только сама компания-производитель, поэтому разработка нового препарата может стоить миллиард долларов и, естественно, должна быть окуплена. Отсюда и очень высокая стоимость лекарственных средств, которые и носят название "бренды".

По законодательству, когда действие патента заканчивается, препарат без лицензии может производить кто угодно. Химическая основа остается одна и та же, нередко производители покупают химическую субстанцию в одном и том же месте прямо в больших бочках, а на своих заводах просто смешивают с другими необходимыми ингредиентами, фасуют и продают. Эти препараты и называют "генерики". Как только более дешевые копии-генерики появляются на рынке, тут же начинается непримиримая конкурентная война между генериками и брендами, и между самими же генериками. По своей сути эта борьба представляет собой в целом довольно бессмысленное мероприятие – что-то вроде войны тупоконечников с остроконечниками, поскольку сама суть генерика в том и состоит, что он ничем отличаться от бренда не должен. Просто таково основное условие их производства. Генерики производят во многих странах мира, и не только в Индии и Восточной Европе, но и в Германии и Швейцарии. Существуют крупные фармацевтические фирмы, которые выпускают только генерики. Один и тот же популярный препарат может иметь двадцать и даже более генериков, имеющих разные торговые названия. Так как цена на лекарство тут же резко снижается, то компании-разработчики брендов обычно всегда недовольны – у них тут же падают продажи. Их представители начинают говорить, что абсолютно все генерики плохого качества и малоэффективны. Вместе с тем абсолютно ясно, что генерики являются хорошим стимулом к развитию всей фармацевтической промышленности и фармакологии вообще, так как фармацевтические концерны вынуждены разрабатывать еще более совершенные средства, испытывать их, в результате чего развивают не только медицинскую науку. Но главный, начмед, почти все профессора кафедры обычно плевались на генерики: "Это хлам!" Однажды выпустили даже большую статью (на деньги тех же американцев), утверждающую, что любой бренд якобы на порядок лучше любого генерика.

А кстати, чем руководствуется обычный врач, выбирая, какой препарат из двадцати по сути одинаковых назначить пациенту? Понятно, что когда больница закупает лекарства оптом, там резон обычно только один: берем самый дешевый, если только нет каких-то других причин, то есть, если кто-то специально не заплатит за закупку, но ведь все равно откат поставщик лекарств даст по-любому. Тут дело беспроблемное. А вот как выбирает лекарство конкретный поликлинический врач? И вот здесь и начинают работать представители фармацевтических компаний. Надо сказать, что фармацевтические компании играют в медицине такую же роль, как и табачные корпорации в Формуле-один или Газпром в футболе. Их роль колоссальна. Именно они спонсируют медицинские конгрессы, съезды и научные журналы.

Для работы с рядовыми врачами компании нанимают некоторое количество симпатичных молодых людей, обучают их приемам маркетинга и направляют общаться с врачами. Вы когда-нибудь видели врача, покупающего в магазине шариковую ручку или хотя бы блокнот? Борисков уже много лет не покупал ручек. Под Новый год представители фармкомпаний обычно ходили по кабинетам с подарками, календарями, ежедневниками, бутылками шампан-

ского и напоминали о себе. Аргументы обычно такие: наше лекарство более качественное, более дешевое, и самое главное, мы вам за него заплатим, если вы будете его назначать. Конечно, заветной целью каждой компании является, чтобы их препарат попал в федеральные льготные списки – то есть в госзакупку, а потом чтобы их назначали. Учитывая, что бесплатно ничего не бывает, это наверняка стоит больших денег. Даже трудно представить, каких.

Конечно, казалось бы, гораздо проще было бы заплатить только одному ведущему специалисту, чтобы он поехал бы в нужный момент куда-нибудь на конференцию или слетал на другой край страны прочитать лекцию, где упомянет нужный препарат. Плати ему, и он с пеной у рта будет доказывать, что это лучшее лекарство на свете и именно только его и нужно назначать. Один такой московский профессор имел на подобные случаи в компьютере шаблон, даже с таблицами, где в зависимости от ситуации менял только название препарата, оставляя неизменным сам текст. Выяснилось это совершенно случайно, когда доклады случайно сличили после публикации. И что? А ничего!

Впрочем, работа врача может оплачиваться не только деньгами и вечеринками, но и, как уже говорилось, поездками за границу. Борисков знал одного такого любителя путешествий, заведующего гастроэнтерологическим отделением Диму Лейдикера. Он был по сравнению со своими коллегами ненормально загорелый, даже с облупленным носом – оказалось, что только что с Крита. Возила их туда опять же какая-то фармацевтическая фирма. И для этого ему потребовалось назначить то ли двести, то ли триста упаковок препарата для снижения кислотности желудка. Ему выдавали специальные рецепты, и он направлял больных с ними в определенные аптеки. Потом все это просчитывалось, и Дима получал за это либо деньги, либо, чаще, поездку. Были, конечно, и более дешевые лекарственные позиции, которые он не назначал из принципа, поскольку это было для него совершенно невыгодно. У него была вторая семья, маленький ребенок и жена не работала, поэтому он тоже всегда горой стоял только за бренды. Постоянно говорил: "Все ваши российские и индийские генерики делают в подвалах грязной лопатой! Нет, вы сами подумайте, просто оглянитесь по сторонам: могут ли в России в принципе сделать что-то хорошее? Самолеты падают каждый день! Только не говорите мне про межконтинентальные ракеты: совершенно не исключено, что в нужное время они не сработают, а если и сработают – то точно никуда не попадут. Спутник запустить не могут – все у них взрывается через раз. А какие-то супер-пупер-сверхвооружения? Не исключено, что их нет вообще! Да и кто их сделает? Эта пьянь?" Еще он нередко посылал своих больных в одну коммерческую фирму на очень дорогой анализ крови, который показывал IgG антитела к ста продуктам питания. Суть и смысл этого анализа понять было сложно, но зато ему с каждого исследования опять же капали очень неплохие деньги наличными. И получалось, что в целом со всем этим зарабатывал он довольно прилично. Часы на руке у него были "Патек Филипп". Это была довольно хорошая подделка, которую он купил в Турции за пятьдесят долларов (вначале их ему предложили за сто семьдесят, но он торговался). Были у него точно такие и настоящие (естественно, чей-то подарок), которые он носить из-за их дороговизны боялся и держал дома, хотя и каждый день заводил.

Настоящие швейцарские часы действительно стоили очень дорого. У Борискова был пациент, у которого было семь или восемь подобных дорогих часов. Это пациент вообще любил бесполезные предметы. У него, например, были какие-то особые часы с гарантией точности хода чуть ли не на пятьсот лет (интересно было бы проверить), с определением фаз луны (может быть, если это и нужно, то разве что для садоводов-огородников), с указанием не только дней недели, но и года (это ж как надо нажраться, чтобы забыть какой год на дворе). Глупость, конечно, полная, но исполнение впечатляло. Но особенно поражала цена. Это были настоящие швейцарские механические часы со специальным механизмом – турбийоном для особо точного хода, но смысл они имели только символический, поскольку с утилитарной точки зрения электронные часы в принципе всегда точнее. Понятно, что хорошие дорогие часы прямого

практического смысла не имеют. Это, видимо, просто попытка показать свое состояние, что-то вроде того как дикарь всовывает в дырку в своем носу отломанную ручку от фарфорового чайника. Ему тоже кажется, что это здорово и круто. Возможно, приобретение таких бесполезных вещей является попыткой что-то доказать самому себе. Так всю жизнь пытаешься доказать себе и своим близким (родителям, жене, а главное своим детям), что ты чего-то в этой жизни стоишь. Только, увы, не всегда получается. Жизляй как-то сказал: "Не надо обольщаться: никого другого твои личные успехи особо-то и не радуют, если ты, конечно, не футболист сборной России и не заколотил гол французам на мировом чемпионате. Да и то, если у тебя угонят машину, обязательно кто-нибудь да позлорадствует: так тебе и надо. А уж стоит тебе только один раз промахнуться, то тут и начнется: моя бабушка лучше попадает..."

Фирма, на которую "работал" гематолог Гена Шабалов, обещала в конце года отправить его на симпозиум, который собирался в довольно замечательном месте – на Гавайях. И всего-то нужно было с его подачи продать тридцать упаковок репарата, каждая из которых стоила довольно дорого – тысячу долларов. Упаковки этой хватало на неделю. Курс лечения занимал обычно не менее трех месяцев и, следовательно, включал минимум двенадцать упаковок. Таким образом, жизнь человека получала свою нарицательную стоимость: она стоила тысячу долларов неделю. Борисков знал одну такую семью, которая с большим трудом доставала деньги на лекарство для лечения ребенка. Они продали все, что можно и нельзя, влезли в долги. Через какое-то время они все вокруг оценивали упаковками этого препарата, а значит, неделями жизни. Например, висит огромный предвыборный плакат, скажем за пять тысяч долларов – это пять упаковок – пять недель. Кто-то купил новую машину за пятнадцать тысяч долларов – это пятнадцать недель жизни. Курс лечения у этого мальчика затянулся уже на двадцать четыре недели. Поездка на Гавайи обещала быть интересной. Шабалов к ней готовился. Он всегда собирал подробную информацию и заранее покупал путеводители. Получением визы и билетами тоже занималась фирма. Никаких тебе хлопот – садись и едь.

Впрочем, даже в таких хорошо организованных поездках случались неприятности. Так в прошлом году пожилой профессор Самсыгин и прилепившийся к нему заодно какой-то больничный чиновник летали на конференцию в США. В аэропорту Чикаго их посадили в какой-то отстойник, где они провели часа три, пока служащие аэропорта что-то там проверяли. Самолет, на который они должны были сделать пересадку, улетел без них. Любые их обращения игнорировались: "Ждите! Когда надо будет – тогда и отправим. А нужно будет – полетите стоя!" Обращение было более чем бесцеремонное и унижительное. Самсыгин потом сказал: "Все, в США никогда больше не поеду!" А в другой раз, уже другим ученым, американскую визу привезли в самый последний день, когда успеть к началу конгресса было просто невозможно. От России и ее зачуханных граждан Америка отмахивалась как от назойливых мух.

Из генериков самое сильное давление оказывалось на российские препараты. Борискову рассказали, что директор одной из крупных аптечной сетей потребовал крупную сумму в долларах только за то, чтобы вообще взять российский препарат на продажу в свои аптеки. Борисков по этому поводу в раздражении сказал Жизляю:

– Чего они все только иностранное поддерживают?

Жизляй же ответил так:

– Наши люди всегда будут больше доверять иностранным лекарствам. Знаешь почему? Тут присутствует некий врожденный психологический момент недоверия ко всему, что производится в России. Еще из раннего детства помню, что у бабушки была наша отечественная швейная машинка и ни фига она не шила. Всегда требовалась какая-то особенная хитрость, вечно что-то подлаживалось и какое-то короткое время она вроде и шила, а потом снова – рвала нитки. А у соседки ее был настоящий дореволюционный "Зингер" и этот "Зингер" шил прекрасно. Чтобы восстановить доверие, нужны года и более качественная продукция. У немцев и американцев в их кризисы такая продукция была, а у нас нет. Японские товары также после

войны не котировались, и американские производители требовали, чтобы они четко писали "Сделано в Японии", потому что это поначалу отпугивало покупателей. Японцы начали писать очень маленькими буквами, чтобы было без лупы не прочитать. Тогда американцы стали оговаривать размер букв.

Однажды Борискова пригласили на банкет в честь дня медработника, который проводили на курсирующем по Неве кораблике. Встретил там Жорика Баланкова. Он работал урологом и в связи с этим часто массировал людям предстательную железу. Иногда поднимал вверх свой указательный палец и говорил: "Это золотой палец! Человек с него уже не слезет!" Благосостояние его строилось главным образом на половых инфекциях и простатите. У него были придуманы какие-то очень сложные многоступенчатые схемы. Борисков подтрунивал: вон, американцы лечат чуть ли не одной таблеткой на прием. И зачем вообще давить железу, никакая железа не любит, когда ее давят. Жорик на это обижался: "ты не понимаешь, это не подход, человека надо лечить долго, чтобы он запомнил, ходил, оставил максимально денег". Борисков как терапевт, имевший дело после таких курсов лечения с чудовищными поносами, дисбактериозами и еще с лекарственными повреждениями печени, только качал головой.

Баланков с гинекологом Аракеляном чуть ли не с института находились в негласной жесткой конкуренции и соревновании, но не по карьере, а по принципу кто больше заработает и кто из них круче. Аракелян тогда тоже был на кораблике. Пошел с бокалом вина и какой-то женщиной на верхнюю палубу подышать. Жорик посмотрел ему вслед, сказал:

– Я по юности почему-то считал, что гинекологом должна быть только женщина, а мужским урологом – мужчина. Хотя бы из тех соображений чтобы людей не стеснять и не смущать. Говорят, на Западе иногда при осмотре не раздевают, даже слушают сквозь одежду – там много выходцев из стран Востока, где смотреть женщину голой нельзя. Возможно, я был не прав. В жизни оказалось, что многих пациентов это вовсе не смущает, а вовсе даже наоборот. Меня как-то в Турции в бане мыл мужик-банщик специальной жесткой рукавицей и горячим мыльным пузырем, пятки тер аж до боли. Там у них для туристов был устроен целый помывочный конвейер. Вымыл он меня, конечно, здорово, хотя я бы предпочел, чтоб меня мыла женщина. И подольше. И притом голая. Хотя тут я не прав: работа в бане, надо сказать, физически довольно тяжелая и действительно мужская.

Кстати, на том кораблике из старых профессоров было разве что один-два человека, да и те спали. Стариков-преподавателей за последние годы вычистили прилично. Борисков помнил, как клинические ординаторы в своем углу долго пререкались и разыгрывали, кому идти смотреть больного с очень старым профессором-консультантом, которому было уже за восемьдесят. Он приходил в клинику раза два в неделю и смотрел одного-двух больных. Никто идти не хотел, потому что осмотр вечно затягивался, ничего другого было не успеть. Однажды, приложив трубку стетоскопа к груди больного, старик спросил: "Але?" Молодежь потом в ординаторской ухохатывалась. Как-то незаметно он исчез. Естественная смена поколений. Шло медленное и неуклонное выдавливание стариков. Но профессор Самсыгин все равно и тому был рад, что хоть сколько-то держат: "Слава Богу, дают работать, не гонят!" А как же без работы! Ведь привык: Ученый совет, диссертационный совет, лекции. Опять же какая-никакая копеечка капает. В конце каждой его лекции обычно выходил представитель какой-нибудь фармацевтической фирмы, рассказывал о своих препаратах, раздавал врачам листовки.

Говорил Самсыгин всегда хорошо, однако на этот раз заключительное слово его затянулось, на лицах присутствующих было видно тоску: занудел, старик, ушел уже не в те степи. Самсыгин и сам это и видел, и все понимал, но остановиться никак не мог. Наконец, Самсыгин закончил. Просто взял себя в руки и остановился: вдохнул воздух и замолчал. Спросил только: "Есть вопросы?" Других профессоров на этот раз не было и в целом все прошло все спокойно. А прошлый разбор закончили чуть ли не в два часа. Профессор Хрусталева, трясая седой бородой, что-то там чуть не с пеной у рта долго доказывал Самсыгину и заведующему кафедрой

Терещенко. Профессора как обычно схлестнулись, снова оказалось сразу несколько мнений, в ход пошли цитаты. Единой точки зрения, как это часто бывает в медицине, не было. Одни профессора говорили, что такое разнообразие версий сбивает с толку и совершенно недопустимо, что все кафедры должны иметь единую точку зрения, которую нужно выработать голосованием и соглашением, то есть консенсусом. Другие, напротив, утверждали, что единой точки зрения иметь вовсе и не должно, и уж кто как думает, тот пусть так и говорит, а истина она постепенно сама себя покажет. Ведь один, который голосует против всех, вполне может быть и прав. История показала, что большинство далеко не всегда право, хотя это и есть демократия. Хрусталева говорил: "Думать вообще не нужно – все уже придумано за нас, существует международный консенсус!" – Самсыгин же на это отвечал: "Известно, что консенсус вообще к науке никакого отношения не имеет! Консенсус принимается там, где не хватает объективных доказательств, это есть временное компромиссное соглашение, низшая степень доказательной медицины... По доказанным фактам никогда никакого консенсуса не принимают, например не может быть никакого консенсуса по расстоянию от Москвы до Петербурга, поскольку оно совершенно точно известно". Дискуссия тогда разгорелась не на шутку, но потом также быстро и была свернута. Новый заведующий кафедрой встал и тут же все затушил. Все разошлись довольные друг другом – показали свою эрудицию. Это выглядело так, как если бы петух прошел к кормушке и по дороге клюнул наиболее наглую курицу в гребешок – для порядка.

Этот же разбор закончили без десяти час. Толпа слушателей радостно повалила в коридор.

Кстати о стариках. Была еще такая доктор медицинских наук Румия Мухутдиновна Степанова, безобидная старушка. Когда-то она работала на кафедре доцентом, потом перешла в поликлинику, где ее и застал Борисков. Чуть ли не до восьмидесяти лет она принимала больных. Под конец, когда сидела на консультации, иногда засыпала, протез выпадал изо рта. Потом еще и ушла с обидой. Еще в отделении консультировал какое-то время старый дед-отоляринголог тоже в возрасте далеко за семьдесят. Был он когда-то известный специалист, тоже вроде доцент кафедры. Но теперь руки у него тряслись от явной болезни Паркинсона. Помнится, он пытался больному сделать прокол пазухи носа, видимо, по причине гайморита, но от сильного дрожания пальцев никак не мог попасть куда нужно. Выражение лица больного трудно было передать словами. Он потом в палате, радостный, рассказывал соседям, что избежал неизбежной смерти:

– Я давно не испытывал такого ужаса: думал, что он мне выколет глаз!

Кстати, та самая Румия Мухутдиновна Степанова, когда еще работала, очень любила ходить на клинические разборы и обязательно там выступать, хотя не всегда и по делу.

Но надо отдать должное, что при всех имеющихся накладках какая-никакая, а учеба у врачей клиники происходила постоянно. Во многих местах было совсем по-другому. Профессор Самсыгин в прошлом году побывал на какой-то конференции в Баку и в целом остался очень доволен. Рассказывал, что там к нему подошел бывший его аспирант, совершенно бездарный, диссертацию которого пришлось защищать дважды и со скандалом. Он потряс у Самсыгина перед лицом дипломом академика. Оказывается, купил. А сам профессор Самсыгин академиком так и не стал. Его знакомый заведующий кафедрой из тамошней медицинской академии жаловался, что перед сессией ему обычно присылают список студентов, кому обязательно надо поставить пятерки.

Надо сказать, Борискову этот последний клинический разбор своей компактностью очень даже понравился. Он не любил споры и длительные дискуссии. Жизляй же, напротив, обожал разборы именно со сварями. В этом, вероятно, проявлялся его врожденный бунтарский дух, поскольку он считал, что любой консерватизм неизбежно обозначает застой, и любил повторять:

– Ведь есть совершенно неоспоримый факт, что медицина постоянно меняется и будет меняться, и, вне всякого сомнения, все нынешние наши представления неоднократно будут пересмотрены, поэтому их совершенно не надо абсолютизировать. Правильно говорить: в настоящее время существует следующая точка зрения. Любая классификация несовершенна, но она необходима. Так уж сделан человек, он все хочет поставить на определенную полочку, вставить в систему и во всем найти закономерность. Это, конечно, очень удобно, но это вовсе не значит, что в реальности так оно и есть.

Своеобразное было у него отношение и к ныне модной "доказательной медицине" и, тем более, к разного рода консенсусам. Кстати, говорят, что в свое время французская академия запретила рассматривать заявки на исследование метеоритов, поскольку тогда существовало общепринятое мнение, что камни с неба падать никак не могут, поскольку небо это воздух, и камням там взяться просто неоткуда. Иногда новые, необычные мнения считаются чем-то вроде ересей в средние века. Сам Жизляй очень любил вылезти на разбор с какой-нибудь самой новейшей информацией. При этом он поступал куда проще и технологичнее, чем заведующий кафедрой Терещенко. У Жизляя был хороший налаженный компьютер с постоянно (раз в полгода) обновляемой американской медицинской программой UpToDate, специалисты которой постоянно обрабатывали информацию из нескольких сотен медицинских журналов и готовили обзоры по всем основным разделам медицины. Программа работала очень просто: набираешь слово и тут же получаешь самую последнюю информацию. Правда, программа эта была очень дорогая и хорошо защищенная, но кто-то Жизляю ее регулярно поставлял. Жизляй обожал быстренько просмотреть файлы и тут же выступить и особенно, если это противоречило основному докладчику.

Профессор Терещенко в таких случаях, едва сдерживая раздражение, взвизвался:

– А это доказано?

– Доказано! – тут же отвечал очень довольный Жизляй.

При таком ответе Терещенко приходил в еще большую ярость:

– Нет, вы покажите мне, где это написано! – При этом он наливался красным цветом, как свекла. Жизляй именно этот момент, собственно говоря, и обожал больше всего.

Еще был на кафедре известный всей больнице клинический ординатор Степа Жильцов, родом откуда-то с юга России, вроде как из Ростова-на-Дону. Это был тоже своеобразный талант. Он месяца за три прочитал с начала до конца огромное американское руководство по внутренней медицине, такое же, как и у Терещенко, и все его запомнил. Теперь по любому вопросу у него была готовая информация. Борисков искренне завидовал такой замечательной памяти. Человек с хорошей памятью уже только из-за этого способен пробиться в жизни. Он может легко выучить любой предмет и любой язык. Любое образование такому обычно всегда легко дается. Так и этот Жильцов. В своем мозгу он хранил массу всякой как полезной, так и совершенно бесполезной информации. Так он утверждал, что пищу надо принимать только в теплом виде, потому что будто бы была защищена такая диссертация, которая четко доказала, что холодная пища эвакуируется из желудка за 15-20 минут, а горячая – за 3-4 часа, а это значит, что она лучше перерабатывается. Человек, принимая горячую пищу, быстрее насыщается и ему нужно меньше еды, она лучше переваривается, реже возникает дисбактериоз. В ресторанах же быстрого обслуживания специально дают запивать еду очень холодным напитком – со льдом, чтобы хотелось есть еще и чтобы человек съел за один присест как можно больше. Один пациент Борискова, кстати, однажды чуть не погиб когда запил бараний шашлык и плов холодной водой, потому что бараний жир имеет высокую температуру плавления, и он тут же загустел у него в животе, что и вызвало непроходимость. Говорят, что именно для того, чтобы не было затора в желудке, плов на Востоке и заедают белой редькой.

При воспоминании о плове у Борискова тут же засосало в желудке и он вспомнил про поездку в Ташкент. В Ташкенте он был когда-то уже очень давно, и даже ухитрился заблудиться

там – в пыльном кишечнике улиц старого города. Был тоже конец марта, цвели персиковые сады. Весь город клубился розовой дымкой. И еще тогда постоянно шли дожди. С тех самых пор навсегда в его представлении Ташкент навсегда остался городом дождей. Впрочем, уже тогда на стенах попадались надписи: "Русские – вон!"

И точно, когда на улице там покупаешь плов, то тут же тебе кладут туда белую редьку, а потом можно пойти в чайхану и взять чайник чая. Был один знакомый доктор, который там родился и жил лет до тридцати, а потом эвакуировался в Россию. Когда он приехал в Питер, у него осталась эта привычка заедать плов редькой: он и плов сам иногда делал и чай заваривал по-особенному, и лепешки только в одном месте покупал, где их действительно хорошо пекли в специально построенном тандыре.

Однажды всезнайка Жильцов сказал Борискову, передвигавшему в ординаторской сейф на другое место.

– Кстати, а вы знаете, Сергей Николаевич, что больше семидесяти килограммов поднимать нельзя – межпозвонковые диски раздавливаются, если только поднимаешь их неправильно. У всех, кто поднимает тяжести, обычно есть проблемы с позвоночником. Если ты поднимаешь в наклоне девяносто килограммов, то на поясничный позвонок путем рычажной передачи создается давление 625 килограммов, а он и на 500 раздавливается. Запросто от этого может вылезти межпозвонковая грыжа.

Борисков тут же с ужасом вспомнил, как еще в студенчестве подрабатывал на мясокомбинате. Таскали там тяжеленные тушки и полутушки. Суставы реально трещали! Так уматывался! Между тем рабочие, по виду совершенные доходяги, как-то с этим делом вполне справлялись. Видно и тут должна быть привычка. Дело это было еще при Советах. Все тогда воровали. И водители, и эти самые рабочие-грузчики. Помнится, украли даже мясо из котла в столовой. Пришел какой-то человек с газетой, вытащил тут же из котла огромный шмат мяса, завернул в эту самую газету и куда-то уволок. Надо сказать, многие люди заболевают в среднем и позднем возрасте из-за того, что в юности работали не жалея себя, на износ.

Кроме того, Жильцову вследствие его исключительной памяти удивительно легко давались иностранные языки. В результате, он очень прилично говорил и читал на двух иностранных языках: немецком и английском, каким-то образом влез в международную образовательную программу и месяца три работал в Берлинской клинике Шарите, где, как он утверждал, работают почти триста профессоров и четыре с половиной тысячи врачей. Борискову на это было даже завидно. Жизляю же – все равно, поскольку он где-то на стороне хорошо подрабатывал, хотя по этому поводу не распространялся, но было известно, что у него очень состоятельный тесть, а жена его, тоже врач, работает медицинским представителем в крупной фармацевтической компании и получает тоже очень много.

Как и многие медики, Жизляй был циником в человеческих отношениях. Кто-то принес в ординаторскую в день Святого Валентина какую-то газету, где были опубликованы разные любовные послания, от которых разило сиропом: там были обращения к разным дорогим сердцу "кискам", "зайчонкам", "пупсикам" и даже "пушистым бякам". Жизляй, скривив лицо и плюясь, отбросил газету:

– Просто отвратительно! Это же совершенно интимные вещи. Публиковать их в газете – все равно, что раздеться при всех догола, прямо посреди дороги сходить по большому или публично заниматься сексом.

Впрочем, Жизляй вообще был циником, и не только в таких частных вопросах. Он был убежденным сторонником альтернативной истории. Как-то в одну из суббот прошлой осенью ездили целым автобусом от профсоюза на экскурсию в Старую Ладугу. Очень хороший был день. Уже выпал первый снег, но деревья еще не потеряли всех желтых листьев, а небо было пронзительно синим. Проезжали по дороге и место впадения реки Ижоры в Неву, где возведен памятник Александру Невскому и стоит церковь. Так Жизляй тут же стал утверждать, что

никакой Невской битвы вовсе и не было, как не было и Ледового побоища в том виде, как его показали в известном кинофильме. Документально известно, что наши в этой Невской битве потеряли человек двадцать убитыми. Что это такая за битва? Убитые были – и это факт, но также могло быть, что перепились и передрались. И так у него было во всем – все он подвергал сомнению. В историю же, как науку, вообще не верил. Утверждал, что его дед по отцу участвовал в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой, и там танк его был подбит. Дед почему-то считал, что там, под Прохоровкой, произошел полный разгром танковой армии Ротмистрова, которая понесла совершенно чудовищные потери: 334 танка и "самоходки" были полностью уничтожены и еще четыреста повреждены (один из них и был дедов танк, который снаряд, выпущенный из "тигра", просто прошел насквозь, но, к счастью, не взорвался, а только близким взрывом танку повредило рулевые тяги). Машину им тогда удалось потушить. Немцы же тогда потеряли пять танков, и еще, кажется, пятьдесят было повреждено. У наших тогда же полностью сгорел экипаж танка из четырех родных братьев. Только явный садист мог всех четырех родных братьев на той жуткой войне посадить в один танк. По уму надо было их раскидать по разным экипажам – хоть кто-то из них остался бы жив, вернулся бы к матери.

В ту поездку на Старую Ладугу, конечно, взяли с собой бутылочку, чтобы распить на Олеговой могиле. Олегова могила – это курган на берегу Волхова, хотя существует и другая версия, что князь Олег похоронен в Киеве в 912 году (Лаврентьевская летопись), а в Ладогe – это уже по Новгородской летописи – в 922 году. И обе версии считаются достоверными. Кусала ли его змея, или не кусала, тоже остается полной загадкой. Но курган существует и Борисков с Жизляем на нем стояли, выпивали и закусывали.

Кстати, Жизляй считал, что никакого татаро-монгольского ига как такого не было. То есть в том понимании, как нам это представляют школьные учебники истории. Иго или орда, по его мнению, была тогда что-то вроде недавнего Советского Союза, только во главе его были монголы. Кстати, у них налог был всего-то десять процентов. Где-то Жизляй это все прочитал, ведь не сам же придумал. Он вообще довольно много читал самых разных книг такого толка.

Сам же Борисков из непрофессиональной немедицинской литературы в последнее время читал разве что мемуары и всякие документальные свидетельства. Жизляй на это ему говорил:

– Зря ты это, Серега, делаешь. Ничего достоверного ты там не прочитаешь. Историю пишут победители, и пишут ее так, как они хотят, поэтому правды там не будет. Зерна истины возможно добыть только путем чрезвычайно кропотливого труда. Выделить правду из мифов очень сложно. История полна парадоксов: там может быть якобы величайшая историческая битва, а оказывается, всего было убито шестнадцать человек. А многих событий просто в реальности не происходило. Следует учитывать, что огромное количество исторических текстов не сохранилось вовсе, а те, которые сохранились, могут иметь существенные искажения, подпитываться слухами. Так пишут, что Жанну Д'Арк никто вовсе не сжигал, и что она вообще была гермафродитом, хотя впоследствии даже удачно вышла замуж; Ричард III для тех времен был вполне хорошим правителем, но, будучи преданным соратниками, проиграл войну и впоследствии был оболган. Царевич Дмитрий, малолетний садист, зарезался сам во время эпилептического припадка, но никто его не убивал; лучшим правителем России, который хоть как-то пытался ее реформировать под нормальную страну, был Лжедмитрий – Гришка Отрепьев, но ему это не удалось, и Россия скатилась назад; известно, что немцы финансировали октябрьскую социалистическую революцию в России так же, как и американцы оранжевую и розовую и еще кучу всяких других, исходя из собственных интересов; Спартак вовсе не был гладиатором; люди, которые жили буквально напротив арки Главного штаба в Петербурге и не спавшие в ночь штурма Зимнего дворца, будто бы его, этого штурма, даже не заметили. Двадцать восемь героев-панфиловцев придуманы и еще куча мифов создана про войну и ее героев, а некоторым из не существовавших героев даже установлены памятники. Я и раньше-то не особенно верил тому, что пишут, а сейчас вообще не верю. Говорят, на месте Питера до

его основания Петром Первым будто бы уже был какой-то шведский город, и по тем меркам – немаленький, который располагался в районе впадения в Неву реки Охты, то есть там, где не было угрозы наводнения, да еще и куча всяких деревень вокруг. А по истории подается так, что пришел-де царь Петр и в болотах на пустом месте "прорубил окно в Европу". Все было не так, как нам это представляют. Это – аксиома. Ни газетам, ни телевидению верить вообще нельзя – все врут, все искажено. Всегда во всем присутствует подвох – все является промывкой мозгов. И это было и будет всегда. Журналисты ведь люди увлеченные, творческие и продажные, впрочем, как и мы.

Впрочем, на газеты он тоже нередко ссылался. Однажды, когда на конференции опять заговорили про деньги, он взял газету и громко зачитал оттуда:

– А как насчет вот такого утверждения: что "назначать малообеспеченным людям ненужные обследования и выписывать лишние лекарственные препараты аморально"?

Однако же, при всей своей циничности он был членом профсоюза. Надо отдать должное, профсоюз в больнице работал хорошо и организовывал автобусные экскурсии несколько раз в год. Ездили еще в Выборг, в Копорье, в Тихвин. В последний раз две недели назад посетили Великий Новгород. Там в музее Борисков с изумлением узнал, что по подсчетам археологов культурный слой накапливается примерно метр в столетие. То есть, получалось, что сантиметр в год. Не так уж и мало.

– Может быть, это только в России оттого такой толстый культурный слой, что мусор всегда кидали под ноги? Или это во всем мире так? – спросил он экскурсовода. – Я чего-то сомневаюсь! Тогда получается, что за две тысячи лет должно накопиться не менее двадцати метров культурного слоя! И где бы тогда был Иерусалим? – спросил он.

– Ну, наверно, все зависит от конкретной ситуации, – ответила экскурсовод.

– Возможно, – сказал Борисков рассеянно, поскольку в этот самый момент с ужасом смотрел, как двое новгородских работяг, желая приставить дюралевую лестницу к стене, чтобы сбить с крыши сосульки, ухитрились положить ее на электрические провода. Тут же раздался характерный треск, посыпались искры. Возникла кратковременная паника.

Наконец вошли в Софийский собор. Много чего и там рассказали интересного. Оказалось, старший брат Александра Невского умер внезапно очень молодым – прямо в день свадьбы – и похоронен там же, в Софийском соборе, а его невесту, которая чуть-чуть не успела выйти замуж, отправили в монастырь. Ее судьба почему-то очень тронула Борискова. Какая-нибудь курносая шестнадцатилетняя девочка, которая так радовалась выйти замуж за молодого и богатого, и вдруг – надо ехать в монастырь.

– Мне самого Ярославича не так жалко, как эту девочку! – горевал Борисков на обратном пути, допивая остаток традиционного коньяка.

Кстати, профессор Самсыгин, который тоже ездил в эту поездку, с ним согласился.

Борисков за время работы в этой клинической больнице повидал разных профессоров. Прошлой зимой похоронили одну профессоршу Зинаиду Степановну К. Хорошая была тетка, простая, душевная, совершенно незлобная. Умерла внезапно дома от сердечного приступа. Буквально в один миг. Вдруг стало плохо с сердцем – и все. Пока вызвали "скорую" – было уже поздно. Что же касается той умершей зимой профессорши, то Борискову довольно долго – с полгода, наверное – казалось, что она еще жива. Будто бы шаги ее и голос даже слышал. Даже думал, не дух ли ее действительно витает. Кстати, на поминках, которые начальство организовало в больничной столовой, родственники той профессорши передрались в кровь. Два зятя и обе дочери вместе с ними сцепились друг с другом. Сцена была безобразная. До этого события никто ничего не знал о ее частной жизни. Всегда она была в ровном настроении. С персоналом общалась уважительно, без гонора, типа: "Я – профессор, ты – дурак!"

Панихида по Зинаиде Степановне проходила в своем же больничном храме, рядом с моргом. Церковь эту восстанавливали очень долго, отдельными кусками. Начали еще при старом

главном враче. Посмотрели, что в других больницах храмы появились, и тут же начали делать свой. Начал приходить батюшка, регулярно проводились службы. Главный здесь показывал себя как человека православного. В больнице св. Николая – там главный врач, напротив – был мусульманин, и тоже, кстати, как у них принято в племени, брал на работу преимущественно своих, у него врачами даже арабы работали. Впрочем, великий Авиценна, кстати, тоже был узбек. Тот главный врач вроде, хотя с виду и лояльный к другим религиям, но, говорят, хочет переименовать свою больницу из св. Николая то ли в Центр высоких медицинских технологий, то ли в Европейский медицинский центр. Неизвестно, чем ему святой Николай не угодил. Он же был как бы самый первый Дед Мороз. А вот в –ской больнице была более четкая иерархия: там главный врач тоже был грузин, и все заместители и почти все заведующие отделениями у него – также были грузины. Рядовые же врачи все вперемешку: грузины, евреи и русские примерно в одинаковой пропорции. Зато средний и младший персонал – почти исключительно русские. А крышу там обычно чинят и территорию убирают только таджики. Парень, с которым Борисков когда-то вместе учился в институте, работал там торакальным хирургом и рассказывал:

– Начальник у нас своеобразный, но в целом ничего – справедливый, дает дышать. А любимая присказка его: "Я тибья убию!"

Хирург тот считал, что надо брать пример с Америки: уж сколько народу там живет разного, а все как-то друг с другом уживаются. Он там с кем нужно делился и зарабатывал очень неплохо и в целом был доволен.

В медицине, как и в любой другой профессии, люди устраиваются кто как – все по-разному – кому как повезет. Иногда случались совершенно неожиданные вещи. Однокурсник Коля Басов изначально, сразу после окончания института пошел работать в НИИ социальной реабилитации инвалидов. Это было тогда даже не министерство здравоохранения, а только социальной защиты, которые ныне объединили. Вначале считалось как бы дыра дырой, не особо престижная работа с инвалидами – какой с них навар, а сейчас Коля катается как сыр в масле: известно, когда идет постоянная война – работы протезистам завались. К тому же социальные программы для инвалидов поддерживают западные благотворительные фонды. Сам он с инвалидами нередко ездит на разные инвалидные олимпийские игры, другие мероприятия, даже уже пару раз летал в Америку. Борисков его, как встречает, всегда прикалывает: "Коля, не ты ли протез Басаеву делал? Делал ведь – признайся же! Сколько взял?" Хотя не исключено, что Басаев на приеме у врача вел бы себя очень даже сдержанно и почтительно и оружием не угрожал бы. Да и заплатить мог реально хорошо. Хотя и не факт. Хирург-абдоминальщик Леня Брыкалов некоторое время после окончания института работал в Сибири и как-то оперировал буквально умиравшего от перитонита чеченца, реально ночами не спал, насилие его выходил. Потом, когда ехал в поезде в Москву, по дороге случилось разбойное нападение на их вагон – забрали все деньги и ценные вещи. И вдруг среди бандитов он узнал того самого чеченца, которого вылечил, и грешным делом подумал, что тот его вспомнит и не тронет – все-таки спас ему жизнь. Тот посмотрел на врача презрительно: "Ты для меня не человек!" Забрали у него тогда все заработанные деньги, да еще и в рожу дали. И где же тут хваленая восточная благодарность? Впрочем, потом ему знающие люди говорили: "Ты не понял: радуйся, что живой остался, он мог бы тебя и убить как свидетеля! Это и есть его величайшая тебе благодарность от него – он тебя не избил, а не убил!"

Тут, взглянув на часы, Борисков похолодел: не дай бог опоздать! Уже месяца три сотрудники кафедры коллективом писали большое двухтомное руководство для врачей общей практики. У Борискова там тоже был кусочек – глава в соавторстве с доцентом Леной Масловым. Главу, собственно, написал Леня, но в большей степени использовал для этого материалы диссертации Борискова. Так и получилось соавторство. В два часа по средам академик Минков

собирал авторский коллектив для отчета. Все собрались вовремя, и ровно в два вошли в кабинет академика.

Сам академик сидел за своим огромным столом, вобрав голову в плечи, и уставившись на входящих сквозь большие очки, делавшими его похожим на сову. Он был совершенно загадочным человеком, внушавшим если не страх, то некоторое опасение. Одни говорили, что он живой гений, другие – что просто пустобрех и взяточник. "Это же просто какой-то упырь!" – вдруг выдохнул кто-то сзади прямо в ухо Борискову, вроде как сам Леня Маслов.

Впрочем, несмотря ни на что, это был реальный академик российской академии медицинских наук, а не представитель множества новых придуманных академий, которые нынче создавали каждый, кому не лень. Звание академика какой-нибудь частной академии теперь вполне можно было купить за относительно небольшие деньги, а потом запросто печатать на визитках. Получалось очень даже солидно.

Совещание иногда затягивалось, но на этот раз прошло на удивление компактно. Каждый отчитался о проделанной работе быстро и четко. И Маслов доложил, Борисков тоже что-то осмелился сказать и сразу же осекся. Академик тут же уставился на него как на муху, которая внезапно заговорила. На том и закончили. Уже в пятнадцать минут третьего все вышли. Академик даже никому "до свидания" не сказал, а снова уткнулся в свои бумаги.

Борисков содрогнулся, будто с холода.

– Вот говнюк! – сказал весело Маслов. – Лично сам ни строчки не написал, но всюду влез и ничего его не берет.

– Это еще доцент Марченков говорил о нем... «Дерьмо оно не тонет и всегда на плаву!» Этот тогда еще академиком не был, докторскую только писал. Опять же не сам – молодежь заставлял...

Действительно, был когда-то давно на кафедре такой доцент Марченков. Борисков его помнил довольно смутно. Запомнилось, что у него были руки рабочего с толстыми пальцами, а на правой кисти выколот якорек, вероятно в юности он служил на флоте. Для врача, да еще доцента это было не совсем обычно. Он занимался травами, разными составами и прописями, и других лекарств, кроме трав, не признавал вовсе, и даже организовал курс для врачей по фитотерапии. Тогда это было модно, люди тщательно записывали рецепты составов из многих трав, но Борисков никогда не видел, чтобы кто-то это реально делал, хотя и сам выписывал такие прописи. Потом это как-то прекратилось в массовом порядке, хотя травы в аптеках и продаются до сих пор. Фитотерапия – наука по лечению травами – ныне была не удел. На курсы по фитотерапии теперь не посылали – все было только платное и за свой счет.

Надо сказать, страховые компании требовали для своих клиентов проверенных методов лечения, быстро дающих результат. Фармацевтические компании тем более – им нужно было продавать дорогие лекарства. Тратить деньги на проверку действия трав и сборов никто не собирался, да это было бы смешно: как можно давать траву, да и с чем-то ее сравнивать. Между тем, лечение травами имело тысячелетний опыт еще до развития химической промышленности. Оно составляло да и сейчас составляет основу восточной и народной медицины.

Молодежь обычно принимала таблетки, а люди пожилые всегда чего-то там бодяжили с медом и чесноком, делали уксус и активно подписывались на газету "Здоровый образ жизни" или покупали ее в пригородных электричках по дороге на дачу. В этой газете люди делились разными рецептами, кому и что помогло.

Расставшись с Масловым, Борисков забежал в кафе купить чего-нибудь к чаю. Там за столиком в углу сидел профессор Савельев, известный алкоголик. Выпивал он каждый божий день, и без этого, видимо, уже не мог. Карьера его, несмотря на, несомненно выдающийся ум и написанные им многочисленные монографии (академик Минков ему в подметки не годился), именно из-за этого порока никак не развивалась. Он потерял кафедру, однако с учетом уникальных знаний и опыта продолжал работать на ней же консультантом, участвовал в работе

научного общества и диссертационного совета. Борисков как-то ехал в сильный дождь по набережной и увидел голосующего расхристанного вдребезги пьяного, но хорошо одетого мужика. В нем он узнал профессора Савельева. Борисков мог бы его взять, подвезти до дома, но потом это показалось бы неудобным, и он проехал мимо. Да, кстати, и остановка там была запрещена.

Впрочем, в традиционно пьющей России пьянство за порок не считается, наоборот, люди непьющие вызывают подозрение. Как-то в электричке Борисков слышал такой разговор:

– Бог пьяных любит! Мы как-то сидели с мужиками в квартире на третьем этаже, пили пиво. Вобла висела на веревке в открытом окне, Серега перегнулся через стол, стал отрывать рыбину и – р-раз! – кувыркнулся на улицу. Мы вначале и не поняли: где же Серый? Пока то да се, сообразили – он уже входит в дверь совершенно целый. Лоб разве что рассажен. И, что интересно, с воблой. Оказалось – упал в куст сирени. В то же время другой знакомый мужик упал с первого этажа – сидел на подоконнике – хрясь затылком об асфальт – и сразу конец!

Поведение алкоголиков совершенно непредсказуемо. Непредсказуемы и реакции на лекарства, которые встречаются у алкоголиков. Так в больницу однажды привезли одного известного актера кино. Всем он был хорош: красив, невероятно талантлив, но очень сильно пил. Однажды на фоне очередного перепоя у него возник гипертонический криз, "скорая" ввела лекарство, снижающее давление. Давление упало вообще до нуля, и поднять его уже не удалось.

Профессор Самсыгин советовал молодежи:

– Вы не называйте алкоголика алкоголиком, люди на это обижаются, а называйте его картофелем.

С точки же зрения Борискова слово "картофель", то есть пьяница по-латыни, звучало еще хуже и куда как оскорбительнее. Месяц назад в платной палате лежал директор одной крупной фирмы. У него из всех заболеваний только и была "алкогольная болезнь печени": долгое время каждый день вечером он пил одну-две бутылки хорошего французского вина – для сна. Написать в выписке так было неудобно, поэтому написали просто "стеатоз печени". Он, конечно, сказал, что завяжет пить, но тут же спросил о сроках, когда можно будет развязать.

В связи с этим тут же вспомнился муж медсестры из процедурного кабинета второй терапии, который умер в последний Новый год с перепоя. Вместо водки он где-то на рынке купил три литра спирта, и начал его пить еще до наступления Нового года, и уже числа второго января выпил весь и умер от фибрилляции сердца прямо у себя в доме на унитазах.

Всем известно, что при входе на Апраксин рынок всегда стоят толпой кавказцы и кричат: "Спирт, спирт, спирт!" – словно домашнее животное приманивают. Они продают контрабандный алкоголь. Один из прохожих сказал им что-то такое, что им не понравилось, и они начали его бить. Он пытался отбиваться, вырвался и побежал. За ним гнались торговцы спиртом. Откуда-то тут же еще появились и молодые ребята в спортивных костюмах – что-то вроде охраны или местных боевиков и тоже ринулись за несчастным.

В этот момент в кафе пришла заведующая отделением и сообщила, что на второй терапии в это время случился скандал: врач приемного не посмотрел больного ниже пояса, а в отделении оказалось, что там махровая чесотка. А он поставил штамп на историю болезни, что чесотки нет. Действительно, есть золотое правило: надо осматривать больного полностью. Говорят, великий Боткин осматривал больных очень тщательно, чуть ли не обнюхивал их, и это было фактором его успеха. Ему верили безоговорочно, хотя случалось, что и он ошибался. Однажды, когда в Москве были зарегистрированы случаи чумы, а в Петербурге их еще не было, он, обнаружив у дворника пакетные лимфоузлы, высказал предположение, что это именно и есть чума. Все население, кто только мог, бросилось из Питера прочь. Но потом оказалось: Боткин ошибся! Позже он реабилитировал себя и снова поставил точный диагноз. Как писали газеты того времени, "Диагноз великого Боткина был подтвержден на вскрытии!" Говорят,

в юности он работал на Крымской войне хирургом, но так как был очень близорук, порезал много сосудов и какое-то количество раненых будто бы угробил, и тогда ему сказали, что вам-де, г-н Боткин, не стоит заниматься хирургией, и он стал гениальным терапевтом.

Жизляй на это, впрочем, сказал:

– Ничего страшного, все могут ошибаться. А великие – они все с прибабахом – на то они и великие. Например, нобелевский лауреат Мечников всерьез считал, что прямая кишка человеку вообще не нужна, и ее надо всем удалять.

Заглянул Максаков. Борисков Максакова не любил. У него когда-то была серьезная стычка с Максаковым, чуть не до драки. Дело состояло в том, что у того был маленький налаженный бизнес по продаже американских БАДов, и он толкал их всем больным без разбору и очень дорого. Как-то подошел к Борискову, предложил отстегивать за каждую упаковку. Борисков вспылил:

– Ты только моих больных не трогай!

Бизнес этот все равно разрастался, Максаков богател, но потом дело как-то неудачно всплыло, и этот канал доходов прикрыли. Просто официально запретили продажи БАДов в больнице. Максаков затихарился, и нашел себе приработок на стороне. Но обиду помнил, и однажды в какой-то праздник, будучи сильно пьяным, вдруг сказал в лицо Борискову:

– Ты, Серега, по правде говоря, человек не очень чтобы хороший! Тебя любить особенно и не за что. Есть в тебе некая гнильца. Я бы с тобой в разведку не пошел бы – сдашь при малейшей стремной ситуации. И я думаю, уже своих сдавал. У тебя кишка слаба!

Это были жестокие, но в принципе в чем-то правдивые слова.

Надо сказать, что Борисков действительно был слаб на кишку. Он был из тех, про которых говорят, "кишка слаба", потому что при стрессе его пучило, тянуло бежать в туалет по большому. Склонен он был, как говорится, к "медвежьей болезни", а попросту говоря – обоссаться с испугу. Главный как-то вызвал его к себе в кабинет, взглянул злобно: "Садитесь, Сергей Николаевич!" – Борискова тут же вспучило, потянуло вниз живота, заурчало в кишках. В медицине это называется "Синдром раздраженного кишечника" – никто толком не знает, почему это происходит и что при этом делать. Понятно, что во многих случаях все идет от головы, как у Борискова. Остается разве что только пить антидепрессанты. Так ведь всю жизнь их пить не будешь, а заранее не предусмотреть. Как-то подумал (как раз тогда же, на том самом приеме у Главного) про себя: "Если тебя, Сережа, сильно напугать, не исключено, что ты и обоссался бы". От такой мысли он даже ухмыльнулся. Главный это тут же заметил: "Чего это вам так весело, Сергей Николаевич! Я вот лично ничего веселого не вижу!" – и начал прочистку. Дело касалось одной неприятной ситуации на отделении. Кто-то накапал, да и вообще постоянно, видать, капает. Только кто? Борисков этот вопрос решить не мог.

А кто мог решить подобный вопрос? Разве что Андрюша Каледин, подрабатывавший везде, где только можно, к тому же еще и многолетний кафедральный соискатель (писал кандидатскую диссертацию), решал этот вопрос очень просто: у него была прикормлена секретарша. Она его обожала, а он еще ей подкидывал дорогие подарки и денежки, так как сам зарабатывал очень много. Та контролировала ситуацию на месте, что-то нейтрализовывала сама, а при необходимости предупреждала об опасности. Андрюша главному, конечно, регулярно приносил то, что тот любил – дорогое виски, а секретарше – обожаемый ею ликер Бэйлис, которые всегда покупал в аэропорту в магазине Дьюти-фри. В итоге главный его особо не дергал. Андрюша иногда на работу вообще не ходил, а занимался своими делами. А занимался он медицинской логистикой, только не медоборудованием, а больными, типа устройством их на лечение в Германию. И зарабатывал в своей фирме очень хорошо. Тут недавно им позвонили и сказали, что нужно срочно перевести тяжелого больного из Барселоны в Питер. Они наняли частный самолет за пятьдесят тысяч евро, поставили туда аппарат гемодиализа, реанимационную аппаратуру и благополучно доставили больного в Питер живым, взяв за услуги по доставке

сто тысяч евро. Больной, впрочем, умер через две недели, но уже здесь в клинике. У него был цирроз печени, сахарный диабет и почечная недостаточность. На этом фоне повторялись желудочные кровотечения. В другой раз попросили доставить пациента, молодого парня, разбившегося на мотоцикле в Таиланде. Парень был в коме. Местные запросили за доставку сто пятьдесят долларов. Андрюша и компания просчитали, что нанять отдельный оборудованный самолет будет стоить сто десять, однако родственники прямо заявили, что у них есть только пятьдесят. Тогда приняли гениальное решение: отправить парня обычным рейсом. Выкупили весь первый класс, частично сняли кресла, поставили туда кровать и реанимационную аппаратуру. Это обошлось в двадцать пять тысяч долларов. В конечном итоге парня доставили в Питер живым.

Андрюша всегда где-то болтался, а Борискову приходилось сидеть перед начальством и стрессовать. А реакция на стресс у Борискова, как уже говорилось, была специфическая – тянуло на низ. Впрочем, подполковник Саня Мельников, бывший одноклассник Борискова, как-то рассказывал, что люди в стрессовых ситуациях могут вести себя совершенно непредсказуемо. Он, предположим, может быть хорошим спортсменом, казаться вам спокойным надежным парнем, и вдруг в стремной ситуации, например, под реальным обстрелом, вообще себя не контролировать. Он, рассказывал, что сам видел, как лежавший рядом в канаве солдат, вроде даже куда-то и целится и даже нажимает на спуск, но не сняв автомат с предохранителя. Существует, конечно, спецподготовка, все эти учения, перебежки со стрельбой и взрывпакетами, и это, несомненно, очень важно, но опасность там все равно минимальна, и человек это в любом случае понимает, и как он поведет себя в реальном бою – остается неизвестным, пока он сам туда не попадает. Тем и полезен боевой опыт. Мельников считал, что все реально работающие группы обязательно надо проводить через боевое крещение, поскольку реакции бывают парадоксальные. Один пациент-ветеран рассказывал Борискову, что на той, большой войне, мог идти совершенно жуткий артиллерийский обстрел, а некоторые люди спят себе в окопчиках – тоже защитная тормозная реакция психики.

Саня Мельников был крепкий парень, большой, спокойный. Какое-то очень долгое время они с Борисковым каждый год обязательно во время Санькинова отпуска встречались. Это потом что-то разладилось. Борискову запомнилась такая сцена. Во время одного из Санькиных ежегодных наездов традиционно сходили в баню на Марата, сняли люкс, хорошо помылись, попарились, ну и выпили, конечно тоже. Еще Борисков тогда отметил: Саня мускулистый, в хорошей форме, а он, Борисков, уже стал заметно жиреть. Еще запомнилась такая деталь: когда Саня говорил, все его внимательно слушали: и банщик, и бармен – буквально ловили его слова. И не было такого, чтобы он говорил, а они на что-то отвлеклись. Борискову это показалось необычным. Когда вышли на улицу, к ним почему-то привязалась какая-то нетрезвая компания. Борисков напугался: драться нужно было против четверых. Интересным было поведение Сани, который без каких-либо криков и угроз, даже с некоторой скукой и раздражением сказал: "Идите-ка вы, парни, своей дорогой! Мы вас не трогаем и вы нас не трогайте!" Трое вроде как намек поняли, а четвертый – не внял, полез в драку, и тут же получил страшный удар в лицо, упал назад затылком о дорогу, перевернулся на живот, встал на карачки, выплюнул обломок зуба на асфальт, посмотрел на него, поднял с изумлением свой зуб: "Как же так?" Из рта и с подбородка на асфальт капала кровь. "Ну, говорили же тебе!" – сказал ему Саня, и они с Борисковым спокойно ушли. Никто больше не сунулся. Борисков, когда потом по этому месту проходил, всегда вспоминал это пятно крови на асфальте. Подумал как-то, сколько же таких отмытых пятен крови по Питеру после всех исторических событий и в течение всего его существования! Если бы однажды они проявились в один момент – залито было бы все, кровь плескалась бы, наверно, по колено.

После обхода Борисков принял двух поступивших больных и затем, наконец, зашел в ЭКГ-кабинет. Наташа была на месте, сидела за столом, расшифровывала кардиограммы. Все-

гда доброжелательная, всегда с улыбкой. Когда-то очень давно они с Борисковым были в сверх-хороших отношениях, почти что в близких. Но не в самых близких – чуть-чуть не хватило. Психологически они подходили друг другу идеально, а физически не получилось, просто не дошло до этого, а потом разлетелись. Она была замужем, по сути, всегда – аж с восемнадцати лет, сразу родила, еще студенткой на пятом курсе института. А когда они встретились с Борисковым, оба были еще молодые, ее сыну было семь лет, а у Борискова – Лизе два года, у обоих был видимо семейный циклический кризис по времени, когда кажется что жизнь – рутина, быт затягивает, молодость проходит зря, а любовь как бы пригасает, переходит в привычку. И тогда, может быть, эти их встречи, влюбленность спасла их семьи от развала. Что бы ни говорили, но семья – основа основ мира. Цемент цивилизации. Они буквально чуть-чуть не перешагнули в интим, но не перешагнули. А разбежались как-то потому, что она вдруг сказала: "Знаешь, у нас будет ребенок!", то есть у них с мужем. Может быть, поэтому отношения у них сохранились дружеские, внимательные. С возрастом и не особо заметны были в ней перемены, какие бывают у женщин, она совершенно не располнела и не обрюзгла. Сам же Борисков уже отрастил приличный животик, сейчас даже стеснялся раздеваться при ней. Она улыбнулась ему:

– А, Сережа, привет!

– Здравствуй, слушай, снимите-ка мне ЭКГ!

– А что случилось?

– Перебой ночью почувствовал. Хочу на всякий случай проверить. А то вот так ходишь, да вдруг и помрешь. Все вокруг умирают! – Он сказал это шутливо, но Наташа, впрочем, на это не улыбнулась:

– Давай, ложись!

Симпатичная медсестра Катя щекотно поставила на грудь датчики: "Теперь вдохните и не дышите. (пауза) Все. Можно одеваться".

Это была еще совсем молоденькая девчонка, в голове, наверное, одно – выйти бы замуж за человека побогаче, и больше уже никогда не работать. Если хочешь такую, как Катя, заинтересовать, нужно сказать просто: "Был у меня тут на приеме и получал справку для полетов на воздушных шарах (или проще – для шоферской комиссии) один молодой человек, красивый, холостой, богатый, и спрашивал: нет ли у вас симпатичной медсестрички познакомиться", – тут же полный интерес тебе гарантирован. Но Катя молодец, работает, старается, ничего тут не скажешь. Предшественница ее уже два года находилась в декретном отпуске и наверняка на работу больше уже не выйдет. Приходила тут как-то зимой с ребенком: рулила на новой "Мазде", сама в норковой шубе, ребенок одет очень дорого, как кукла, – сразу видно, что богатая. Наверняка специально так подготовилась, чтобы похвастаться. Молодая, красивая, богатая, замужем, имеет ребенка. Настоящий женский супернабор. Повезло. Жизнь удалась.

Интересно, что еще одна молодая врачиха в отделении тоже вроде как бы считалась, что уже много лет замужем, и ребенок у нее был, а потом и второй родился, и тут вдруг оказалось, что они только вот-вот с мужем и поженились, а до этого много лет жили в "гражданском" браке. Она по этому поводу проставлялась: приносила торт, шампанское, счастливо выглядела – ждала, говорят, этого события шесть или семь лет. А, казалось бы, что изменилось – сходили в ЗАГС, поставили печати в паспорт, все равно ведь живут вместе? А для женщины, оказывается, многое. Борисков детали спрашивать не стал. Начнут объяснять – не поймешь. Любопытно, что в гражданском браке мужчина считает себя неженатым, а женщина – замужем, и отсюда возникает этот известный разброс в статистике. Происходили и вообще труднообъяснимые вещи. Например, Борисков в прошлом месяце сам присутствовал при венчании своих давних знакомых. Женаты (законно) они были уже лет, наверно, двадцать с хвостом, – по крайней мере, старшей дочке было лет за двадцать точно, – жили себе и жили и вдруг с чего-то решили обвенчаться. Хотел даже спросить: "С чего это вы вдруг?", но было как-то неудобно. Решили,

видимо, реально узаконить брак, точнее освятить его. И то верно, тут один развелся и говорил: этот брак все равно был ненастоящий, я же не венчался.

Наташа тут же, пока Борисков одевался и завязывал галстук, посмотрела запись кардиографа и сказала: "Только одна экстрасистола попалась, желудочковая. Я думаю, тебе надо сделать пробу с нагрузкой и суточный мониторинг. Если не хочешь, чтобы здесь знали, сходи-ка к Саше Столову – на кафедру кардиологии, он сейчас там доцент... Телефон его дать? Но не мобильный – мобильного нет". – "Давай". – "Кардиограмму возьми с собой – покажешь ему". Борисков сунул бумажку в карман. "Да. Еще возьми это, – протянула коробочку с таблетками, – хороший бета-блокатор, если будут частые экстрасистолы – прими! Если нет – лучше подожди результатов мониторинга". Опять в кармане завибрировал мобильник. "Але?.. Сейчас буду!" Незаменимый. Да, как помрешь, тут же и заменят. Незаменимых людей нет. Сталин умер. Брежнев умер (казалось уже, что он был всегда) – тут же и заменили. Профессорша та хоть не мучалась – умерла сразу.

Борисков стал вспоминать этого Столова. В лицо абсолютно его не помнил. По выпускному альбому, что ли посмотреть? Из стройотряда ребят еще как-то помнил. Один как-то позвонил: "Помнишь Казахстан, Зерендинский район?" Столов, тоже вроде ездил в тот год в стройотряд, но в другой – в Мурманск. Что-то такое смутно припомнилось. Кстати, тут Борисков вспомнил, у Наташи в девичестве была хорошая фамилия – Соловьева. Потом она поменяла ее на безликую фамилию мужа – Акулинич. Муж ее был, кажется, из поляков, и у него даже родственники были в Польше – кажется, во Вроцлаве. Откуда-то Борисков это знал. Может быть, она сама ему рассказывала.

Выйдя ЭКГ-кабинета Борисков по дороге заглянул в сестринскую – там медсестры наскоро пили чай. Одна из них вообще была беременная уже на позднем сроке, и поэтому немного не в себе и постоянно что-то ела. Непременно что-то жевала. Уже и мозгами явно тормозила, впрочем, особенно ее работой и не загружали. Целый день писала бумажки и ела. Впрочем, характер ее изменился в лучшую сторону, она потеряла обычную свою склочность и введливость. Ей было уже все равно, она ни во что уже не вникала. Сидела и ела. Ела и сидела.

Сейчас медсестры и врачи редко вместе пьют чай на дежурстве, раньше по молодости лет – было часто, особенно на дежурстве. Было что-то типа своеобразной молодежной тусовки. Обсуждались все новости. По юности вместе и спать могли лечь. Семен Марков, с которым Борисков учился в ординатуре, рассказывал, как он однажды подежурил. И вот лежат они с медсестрой на кровати за шкафом в ординаторской, занимаются этим самым делом. Короче, все уже на самом пике. Он сверху, она – внизу. А там специально было зеркало приделано на стене над кроватью, чтобы, когда лежишь, было видно, кто заглядывает, чтоб не вставать. И от входа, получается, тоже чуть видно, что там за шкафом. Он случайно перевел взгляд на зеркало и вдруг увидел там выпученные глаза строгой заведующей отделением Марии Павловны, которая неизвестно с чего вдруг оказалась в отделении в десять вечера. И получилось, что встретился глазами с ней через зеркало. Она дверь тут же и захлопнула. Сема подумал, что же будет потом, но ничего не было. Медсестричка Света, конечно, боялась, чтобы Мария Павловна, самое главное, мужу не стукнула. Хотя Мария Павловна могла ее и не видеть – та как раз была под Семеном, но уж явно догадалась. Борисков помнил эту Свету – это была очень сексуальная красивая блондинка с пышными формами. У него тогда свои были личные проблемы и он в чужие интимные дела не вникал. В другой раз Семен сокрушался утром после дежурства:

– Вот, блин, на месячные попал – все трусы в крови! Не мог удержаться. Что делать? Придется выкинуть, а то жена убьет! А купишь новые – тут же привяжется. Надо где-то купить точно такие же. Она все замечает! Однажды пришел, а трусы одеты на изнанку – тут же такого говна навалила, насили отбрехался – сказал, что ходил в душ на работе! Был отлучен от тела на неделю.

Теперь Сема работал заведующим каким-то там отделением в больнице Мечникова. Борисков уже давно с ним лично не общался. С год назад Сема позвонил по каким-то своим делам, спросил:

– Как на работе?

Что было ему ответить: каждый день одно и то же. Поступление и выписка. И у него было то же самое. Но он не унывал.

В ординаторской один клинический ординатор, недавно проходивший практику по кардиологии, порассказал всяких ужасов, которых там насмотрелся и наслушался. Например, может быть безболевая форма стенокардии. Только на мониторе ее и можно обнаружить. Можешь так ходить, ходить, а потом внезапно помереть.

Жизляй и здесь всунулся:

– Тут пришел один спортсмен тридцати пяти лет просто проверить здоровье, а оказалось, у него холестерин зашкаливает и атеросклероз сосудов сердца. Теперь ему назначили годами пить таблетки против холестерина и, конечно, соблюдать диету, а то, говорят, запросто можешь коней нарезать. Ведь они, спортсмены, всегда жрут жирную высококалорийную пищу, да еще вводят себе гормоны и инсулин для лучшего усвоения. У нас, когда я был в ординатуре, был такой профессор на кардиологии, так он курил просто безжалостно, а когда ему говорили, что это вредно, отвечал, что на легкие он понимает, как табак действует, но ведь не на сердце же! А сейчас оказалось, что даже одна выкуренная сигарета уже повреждает эндотелий сердечных сосудов. Всего лишь одна сигарета! – тут он сел на своего любимого конька. Ко всем курильщикам он обязательно цеплялся и долбал их, поскольку сам никогда не курил.

– И что тот профессор? – спросил какой-то клинорд.

– Он уже давно умер и, кстати, от инфаркта. Интересно, что сто лет назад это заболевание казалось казуистикой и встречалось очень редко. Для докторской диссертации в начале шестидесятых годов с трудом набрали сто пятьдесят случаев и еще на защите отметили, что, мол, как много наблюдений. Потом словно мор пошел. Может быть, пища сменилась? Говорят, что основная причина инфарктов стресс. Но, с другой стороны, во время блокады – куда уж больше стресс! – давление повышалось, а инфарктов не было. И вообще, сказать, что люди жили без стрессов в прошлом веке – было бы слишком сильно сказано. Наверное, все-таки виновата еда, изменение образа жизни. Эволюция человека продолжалась многие тысячи лет. И в принципе человек питался достаточно однообразно: ел то, что тут же и росло. Консервов тогда придумано не было, пищу далеко не возили. И вдруг вся эта цепочка питания изменилась. Существует, впрочем, версия, что инфаркты имеют инфекционную природу, поскольку в холестериновых бляшках нашли кучу особых микробов и вирусов. Впрочем, все эти теории в ближайшие годы наверняка двадцать раз еще поменяются.

Кстати когда все это они обсуждали, пили сладкий чай с шоколадом, которого в ординаторской всегда было в изобилии.

Борисков тоже подумал, что надо бы еще сдать анализ крови на липидограмму и на сахар. Пошел в лабораторию договориться, чтобы сделали, принес им большую коробку конфет и банку кофе. Те, сказали, что с удовольствием сделают. Утром следующего дня надо было не забыть прийти натошак.

Выйдя из лаборатории, Борисков увидел промелькнувшего в конце коридора Меркина, тоже бывшего однокурсника. Он был кардиохирург – местная элита. Даже официальная зарплата у него была раз в пять больше, чем у Борискова. Заведующим отделением был Гела Миканадзе – к тому вообще было не подойти. С простыми людьми он не разговаривал. В последнее время в отделении выполняли довольно много операций на сердце по федеральной программе дорогостоящей помощи, да и немало хозрасчетных – в основном ставили коронарные шунты. Кроме самой работы немалый заработок давала продажа инструментария и расходных материалов. Одна такая маленькая фиговинка-стент могла стоить сто долларов, а то и дороже. По виду

же была как пружинка от авторучки. Да и себестоимость ее вряд ли должна была быть многократно дороже. Наши тоже делали такие штуки. Российские стенты стоили в разы дешевле западных. Кто-то говорил Борискову, что по сути разницы в стентах никакой не было – и те и другие неизбежно зарастали лет через пять, но считалось, что западные пропитаны цитостатиком и зарастают гораздо медленнее. Обычно продвигали стенты только тех компаний, которые платили хирургам наличными за их использование. Говорили, что иногда они выплачивали и до восьмидесяти процентов стоимости таких материалов. Платили также за рентгеноконтрастные препараты, широко используемые в кардиодиагностике. Деньги капали отовсюду, превращаясь в довольно заметный ручеек. Человек даже когда поступал бесплатно за счет обязательного медицинского страхования, ему говорили: "Операцию мы вам сделаем бесплатно, однако нужно будет приобрести расходные материалы и оплатить анестезию". Тут тоже было непонятно: а если не заплатишь, то без наркоза что ли будут шить? Деньги в оговоренной сумме отдавали наличными. Говорят, в одной больнице, чтобы так явно средства не перемещались, давали некий счет, куда человек переводил деньги, а куда они шли далее, то это уже неизвестно. Когда речь идет о жизни, тут особенно никто не противится. Это было совершенно обособленная система, как отдельная клиника. Информация оттуда не уходила. Борисков как-то устраивал на операцию родственника одной знакомой женщины. Специально подходил и спрашивал, сколько надо заплатить. Ему сказали: "За так сделаем, не переживай!" Однако женщина переживала, потому что платить, известно, надо. По ходу дела оказалось, что надо было заплатить дежурной медсестре пятьсот рублей за ночь, чтобы смотрела за пациентом. Но никто не говорил, сколько нужно было платить хирургам и анестезиологу. Тут была настоящая "тайна мадридского двора" – омерта, закон молчания. Сумму никто никогда не озвучивал. Она как бы по волшебству появлялась сама. Прежде всего, говорили, что надо заплатить за расходные материалы, даже квитанцию давали, ну и далее.

Но это были все-таки действительно высокие технологии, в чем-то соответствующие мировым стандартам. Гинеколог Аракелян, кандидат наук, например, всю жизнь занимался исключительно абортми, на чем заработал столько денег, что сумел построить себе большой загородный дом по Выборгскому шоссе и купить каждому члену своей семьи по хорошей иномарке.

Жизляй и тут имел свою точку зрения. Он вообще считал, что дешевых лекарств не должно быть в принципе. Говорил, что у старух, мол, лекарства лежат мешками, и они их не принимают или принимают, когда хотят. Человек принимает дорогие лекарства, на которые ему жалко затраченных денег. Тогда больные не будут злоупотреблять лекарствами. Как только и бывает в реальной жизни, и в том и другом случае имелись как положительные, так и отрицательные моменты.

Борисков как-то слышал такое высказывание доцента Лямкина:

– А я знаю, что у него есть взрослые дети, родственники за границей, квартира – пусть продаст и купит лекарство! Это момент истины. Разве жизнь не стоит дороже? Пусть платит! Нам какое дело до его проблем!

– Он же инвалид!

– Все мы ветераны перестройки и инвалиды гласности, – недовольно пробурчал Лямкин, чуть не сплюнул и ушел.

Еще одним из существенных дополнительных заработков врачей больницы было участие в международных клинических испытаниях. На одном таком испытании тяжелый больной даже поправился. А парадокс заключался в том, что вместо лекарства он получал пустышку-плацебо, и она ему чудесным образом помогла. Значит, сработали резервы организма. Иногда проявления этих резервов бывали комичны: один больной посмотрел сеанс Кашпировского, причем в записи, и у него почернела половина головы, то есть только половина седых волос стали снова черными. Выглядело это довольно смешно, и он собирался посмотреть кассету еще раз,

чтобы потемнела уже вся остальная голова. Другие проявления этих скрытых резервов иногда состоят и в том, что люди вылечиваются от неизлечимых заболеваний, мгновенно овладевают древними и живыми языками, ходят по углям и лезвиям, шеей опираются на острые пики и вытворяют другие подобные вещи, которые объяснить с точки зрения традиционной медицины просто невозможно, если конечно, не посчитать это за ловко проделанный фокус. Считают, что примерно процентов двадцать людей может вылечиться просто так, им даже ничего не надо давать внутрь химического, и значит и лекарств назначать не надо.

Г-нов уж на что был опытный терапевт, но и он метался. Перед ним стоял вопрос: принимать или не принимать статины – средства, снижающие уровень холестерина в крови. Все говорили, что деваться некуда и надо принимать. Однако тут появился Жизляй и рассказал, что якобы где-то услышал на лекции или вычитал, что якобы две одинаковые группы пациентов принимали какое-то гиполипидемическое средство в течение чуть не десяти лет (одна группа – пустышку), и вся разница в длительности жизни между группами будто бы составила всего шесть месяцев. Он сам принимал такой препарат уже год и был в шоке. Это тоже вполне могла быть раскрутка на бабки. Его стали успокаивать, потому что читали другую работу, где эффект был абсолютно доказан.

Доказательная медицина действительно многое изменила. Средства, которые ранее считались безусловно эффективными, теперь, как оказалось, таковыми вовсе не являлись. Эффект у них был точно такой, как и от пустышки – в лучшем случае болезнь проходила сама. Во всех разработках стали требовать обоснованность по доказательной медицине. Доктору Лаврикову стали гробить почти написанную диссертацию. Гоняли туда-сюда. Лаврикову такая мутотень надоела до чертиков, и он создал некое ООО, и там потихоньку работал. Он еще до ухода серьезно занимался тибетской медициной, лично сам ездил в Алтай за травами, своими руками их собирал, сушил и потом использовал в настоях. И неплохо зарабатывал на такой медицине, и говорят, что кому-то даже помогало. По сути, это был очередной Гербалайф-2, однако народ покупался.

Некоторые "нетрадиционники" успешно и быстро раскручивались. Ныне широко известная своими популярными книжками типа "Излечи себя сам" доктор Надежда Егорова раньше была простым глазным врачом, подбирала людям очки, но к пенсии "прозрела" и занялась био-резонансом, гомеопатией по Фоллю и увлеклась этим настолько, что написала несколько популярных книжек про глистов-паразитов, которые и есть причина всех болезней. Непонятным образом эти книги получили невероятную популярность, а она ушла из больницы и открыла свой медицинский центр, где лечила людей вибрациями.

Профессор Хрусталева услышал, что кто-то продвигает авторскую методику лечения астмы. Была такая реклама в газете, тут же расшумелся:

– Какая такая авторская методика? Да в нормальной стране за такое просто засудят! Ты попробуй страховой компании это докажи! Существуют книги со стандартами лечения. Чего тут думать – все уже давно придумано. Ничего не нужно обсуждать! Все и так ясно! Американцы уже все давно доказали!

Возможно, он был прав. Консерватизм в медицине является положительной вещью – врачи очень осторожно используют какие-то сверхновые методы лечения, осторожничают, хотя накопления опыта. Нередко сверхобещания от каких-то новых препаратов или методик вовсе не оправдываются, но и новые полезные методы очень долго внедряются в медицину, а потом в свою очередь начинают тормозить внедрение еще более новых и прогрессивных. Иногда появление нового лекарственного средства радикально меняет целые разделы медицины. Так один врач писал диссертацию о каком-то оригинальном методе лечения, и вдруг появился новый препарат, который сделал это его придуманное лечение совершенно бессмысленным. Но диссертация все равно прошла: человек все-таки работал, старался, писал, повышал квалификацию. А то, что она устарела... Так и все когда-то устаревает.

Конечно, идеально, когда каждому человеку может быть назначено индивидуальное только ему предназначенное лечение, поскольку люди все разные. Разные дозы, разные препараты и разные сочетания. Не исключено, что в перспективе будет создана компьютерная программа, куда будут закладываются многие параметры и она будет вычислять и готовить необходимое лекарство конкретно для именно этого человека. Оно уже может не подойти для другого. В наиболее тщательно проведенных исследованиях лекарство никогда не работает на сто процентов, и даже на девяносто не работает, в лучшем случае разве что на восемьдесят. И всегда имеются хоть какие-то нежелательные эффекты. Всегда существует человек, который в силу различных причин не переносит это лекарство. И всегда существует эффект от пустышки-платцебо. И это трудно объяснить, поскольку не все человеческие механизмы объяснены. У китайцев так вообще другая медицина, другое представление о заболеваниях. Кстати китайцы считают, что их медицина, в отличие от европейской, как раз и есть самая что ни на есть традиционная.

Борисков взглянул на часы. Было ровно 14.20. Зашел в ординаторскую. Врачи и клинические ординаторы пили кто чай, а кто кофе, разговаривали, писали истории болезней. Клинические ординаторы (клинорды) на терапии были в основном молодые женщины от двадцати четырех до двадцати шести-семи лет. Каждый год происходила их частичная смена: кто-то уходил, кто-то приходил. В сентябре всегда требовалось какое-то время, чтобы запомнить их имена и отчества. Впрочем, на всех в обязательном порядке вешали бейджи с именем и фамилией. Половина молодых женщин-клинордов была уже замужем, поэтому и разговоры велись соответственные. Все привыкли, что кто-то постоянно уходит в "декретный" отпуск, кто-то из него выходит. Только привыкнешь к человеку, как человека уже нет. Чай уже заварен, идут разговоры. Тут же за чаем по ходу дела обсудили сложных больных и кучу разных других проблем, включая особенности семенной жизни. Интересно, что по любым проблемам возникали совершенно противоположные точки зрения. Клинорды были люди разные, но их объединяло, пожалуй, одно, что, впрочем, и отличало от времен, когда учился Борисков: среди них не было бедных. Все они были платные. Университет, чьи кафедры располагались на базе больницы, стремился сделать образование максимально платным. Обучение стоило довольно дорого. За учебу платили родители. Многие клинорды приезжали на хороших машинах, имели свои отдельные квартиры, ходили с дорогими ноутбуками. Был один клинорд из Азербайджана, папаша которого заплатил сразу за все два года, и даже уже купил ему клинику в Баку. Фамилия его была, кажется, Каримов, но никто его ни разу не видел. Иногда прибежал завуч с кафедры, спрашивал: "Каримова кто-нибудь видел?" и убегал. Обычно клинорды вели по два-три пациента.

Застрявший по каким-то причинам после ночного дежурства и пребывавший в эйфории Жизляй от души веселился:

– Тут у меня в шестой палате поступившая вчера бабка заявила, что у них на лестничной площадке якобы "поселился квартирант, который открыл производство на дому – вырабатывает наркотики". Я ей и говорю: чего нам-то жалуетесь, звоните в милицию. Она же считает, что вся милиция купленная, и ее за это тут же и прибьют.

Телефон в ординаторской звонил постоянно. Люди выдергивались из-за стола и снова возвращались. Вдруг позвали к телефону доктора Попова. Звонила его жена. Он с искаженным лицом подошел. Из телефонной трубки понеслось на всю комнату женским визгливым голосом: "Подонки! Козел! Недоносок!.." Попов испуганно осмотрелся вокруг. Все сделали вид, что не слышали. Это был совершенно несчастный человек. Его, видимо, чистили так каждый день. Жену его как-то Борисков видел. Это была явно безумная женщина с волосами какого-то совершенно невообразимого цвета, от одного только взгляда на которую можно было окаменеть от ужаса. Сейчас с женой Попов не жил, но она продолжала ежедневно терроризировать

его звонками. Он и мобильник уже не носил, так все равно доставала через обычный телефон, постоянно требовала денег, якобы их ребенок голодает, то на лекарства ему же, то вообще требовала забрать ребенка тотчас же. Таких звонков в день было иногда до десятка, и в такие моменты на Попова было больно смотреть.

Доктор Калязин, с виду ничем не примечательный человечек в круглых очках, как у Джона Леннона, раньше всегда смеявшийся над этими проблемами, сейчас выглядел довольно грустным. У него были свои заморочки: дочка-подросток уже неделю сбежала из дома и где-то скрывалась у друзей. Ее мобильный телефон был выключен. Видимо, друзья ее прикрывали, родителей же этих друзей найти было сложно да и стыдно. Конечно, ситуация была не совсем пропадающая: девочку видели в городе, а значит, она была жива. В милицию пока не заявляли, а звонили по всем известным телефонам. Результата пока не было. И никто теперь не знал, как они будут жить дальше. В доме царила тягостная тишина. Прежней когда-то очень дружной семьи уже не было. Она внезапно будто бы развалилась на некие неровные части, которые дребезжали сами по себе и уже не могли соединиться. Было совершенно ясно, что как прежде уже не будет никогда. И все это понимали, и никто не знал, чем это дело кончится.

– Я даже не представляю, что и делать, – растерянно сказал Калязин, всегда считавший себя довольно находчивым человеком и прирожденным оптимистом.

Женщины говорили об этой его ситуации:

– Они слишком ее баловали, ничего, говорят, по дому не делала. Что хотела, то ей и покупали. Ни в чем отказа не было. И вот результат!

Однако молодая женщина-врач, совсем недавно вышедшая замуж, на это сказала:

– Меня мама никогда ничего не заставляла делать по дому. И сейчас, когда я приезжаю домой к родителям, и брат мой тоже, мы там вообще ничего не делаем. А когда поступила в институт, стала жить в общежитии, потихоньку научилась готовить. А мужа моего его мама заставляла работать по дому, вот он и сбежал от нее. Мы толком даже и не познакомились, а он уже предложил выйти за него замуж. Теперь он вообще ничего не делает по дому, и я лично считаю, что это нормально.

Она всегда говорила очень жестко, особенно если кто-то из женщин жаловался, что муж мало зарабатывает:

– Это его проблема. Мужчина обязан обеспечивать свою семью! Как хочет!

Звучало это так, что хоть убей и укради, а семью накорми. Впрочем, у них было в семье две машины, и они купили в кредит квартиру. Муж ее работал изо всех сил и зарабатывал очень хорошо. Все-таки, наверное, мама делала правильно, что с детства заставляла его работать. К двадцати трем годам это был вполне самостоятельный человек, который мог прокормить семью и крепко стоящий на ногах. Дело было в том, что выросла она в большой семье, где было много детей, и когда ей, совсем еще малышке, исполнилось только пять лет, то и ей давали в руки веничек, и она подметала дом. Дети постарше всю работу по хозяйству: пололи и поливали огород, кормили кур.

Потом одна молодая женщина из бухгалтерии зашла к Борискову посоветоваться насчет своего мужа. Он в свои тридцать пять имел склонность к полноте, у него зашкаливал холестерин, да и наследственность по сердечным заболеваниям серьезно подкачала, и она собиралась давать ему препараты, снижающие уровень холестерина в крови. Останавливало ее только то, что ее подруга сказала, что якобы от этого может снизиться потенция, и тогда они решили пока остановиться на аспирине. Поговорили о муже и других родственниках. Она еще была обеспокоена проблемами своего младшего брата Вовчика. У подружки, с которой он какое-то время встречался, неожиданно родился ребенок и он, как человек порядочный, решил на ней жениться. Проблема состояла в том, что не было полной уверенности, что отцом ребенка является именно он, и родители Вовчика захотели в этом удостовериться. Сам вероятный (или, скорее, сомнительный) отец, которому месяц назад исполнилось всего-то девятнадцать лет –

этого вовсе не желал. Сама девчонка, Тася, на которой он собирался жениться, была откуда-то с периферии, чуть не из Иркутска, и приехала покорять большой город как будущая фото-модель и актриса, но для этого дела оказалась несколько полновата и косноязычна. Они с Вовчиком познакомились совершенно случайно на какой-то студенческой вечеринке и в тот же день переспали. Девочка была, в общем-то, симпатичная, но какая-то агрессивная, несколько грубоватая и, пожалуй, излишне бойкая. Ко всему небольшой шрам на левой щеке придавал ей довольно бывалый вид. Не исключено, конечно, что это была просто защитная реакция, но все же скорее характер. Отца у нее не было, мать создала другую семью. Тася пробивалась в этой жизни исключительно сама, и возможно, для нее это был самый простой вариант: выйти замуж за обеспеченного жителя Петербурга и сразу обеспечить себе жилье и средства к существованию хотя бы даже пусть на какое-то время. С будущей свекровью отношения у нее не сложились изначально – с самого первого знакомства. Вовчика же она вообще держала за теленка неразумного, вертела им как хотела, словно была значительно его старше. Вовчик ничего сделать против нее не мог, у него просто воли не хватало противостоять ей. Спокойной мирной жизни интеллигентного петербургского семейства наступал конец, не исключено, что она потребует, чтобы Вовчик бросил учебу дабы кормить (как и положено настоящему мужчине) свою жену и ребенка. И Вовчик уже стал заикаться об "академке" или о переходе на вечерний, еще и собирался работать ночью где-то в охране сутки через трое. Работать, пусть даже днем, а потом учиться, да еще когда дома маленький ребенок – совместить это было маловероятно. И потом остро вставал вопрос с жильем. Тут уже было ясно, что жить всем вместе будет просто невыносимо и невозможно. Все последние месяцы Тася ходила, гордо выставив живот и требуя к себе первейшего уважения. Вовчик всюду таскался за ней, как собачка, и во всем поддакивал. Тряпка. Пропал. Делать нечего, но все-таки решили хотя бы для себя узнать, действительно ли ребенок от Вовчика. Хотели сделать генетический анализ. Это было важно для того, чтобы знать свое отношение, ведь генетическое родство вещь сильнейшая – тут уже никуда не денешься. А вот если ребенок не от Вовчика, можно было бы предпринять кое-какие действия и вести себя несколько по-другому. Отец шептал: "Ты посмотри на нее – вон как ее расперло! Через несколько лет это же будет ходячая бочка жира! Тоже мне, актриса! Поставь ее за прилавок на рынке овощами торговать – все примут как свою!" Покоя в семье уже давно не было. Спали только со снотворным. Все они чувствовали, что влипли, и капитально, и что в лучшем случае придется откупаться от нее как минимум комнатой, а то и квартирой. Ребенка было, конечно, очень жалко. Ребенок был очень хороший. С другой стороны, огромное число отцов растят чужих детей, не зная об этом, и ничего.

Борисков ее внимательно выслушал. Он старался поддерживать хорошие отношения с бухгалтерией, которой заправляла рыжая главная бухгалтерша Марья Ивановна Рогова, на вид лет пятидесяти пяти, фанатка Баскова и к тому же большая любительница чтения. Она много и постоянно читала, и даже не только в метро. Читала она самую разную литературу, обожала Булгакова, особенно "Мастера и Маргариту". История первого ее прочтения этой книги была такой: она однажды много лет назад она пошла в читальный зал по своим делам и вдруг напротив себя увидела девушку, читающую какой-то журнал. Девушка была вся буквально захвачена чтением, глаза ее горели, выражение лица постоянно менялось, щеки пылали. Бухгалтерша была так заинтригована, что даже проследила за ней, когда та пошла сдавать журнал, и там же попросила его посмотреть. Это оказался журнал "Москва" с романом "Мастер и Маргарита". Борисков иногда ей подкидывал хорошие книжки. Она и своим молодым работницам советовала полезные, с ее точки зрения, книжки.

Потом молодая бухгалтерша грациозно встала, ослепительно улыбнулась и направилась к двери. Фигурка у нее была просто потрясающая. Все мужчины как загипнотизированные смотрели ей вслед. Жизляй на ее попку похабно облизнулся.

– А ты знаешь, заповедь: "Не желай жены ближнего своего"? – сказал ему Борисков.

– Заповедь по поводу "жены ближнего своего", может быть, специально и придумана, чтобы никто не желал, поскольку контрацептивов тогда не было, а народ был без комплексов: только отвернись – тут же и засадят. Ребенка заделает, и не проверишь, как сейчас, от кого по ДНК. А Богу может быть и все равно насчет этого. Может быть, его это вовсе и не волнует, кто с кем спит. Тебя вот трогает, хоть как-то, хоть чуть-чуть: спит ли с другим мужиком жена, скажем, нашего главного? Да нисколько! Наоборот, ты бы даже был бы рад, встретил бы новость эту со злорадством – обложить мудака рогами. Это ведь в народе всегда считается за доблесть. Для этого, может быть, и заповедь эту придумали, да и то все ее нарушают. В заповеди всегда входили самые что ни на есть прикладные вещи – так формировались изначально правила жизни и законы. Мужчин, которым изменяют жены, все исторически презирают. Помню, как однажды в кино смотрели какой-то очень смешной фильм, хохотали до слез. Главным действующим лицом там был всеми презираемый и осмеиваемый муж-рогоносец, следящий за своей женой, а суть была в том, что все окружающие были просто обязаны помогать этой самой изменщице-жене, посылая мужа в разные стороны и всячески прикрывая ее. Короче, комедия положений. Так и в жизни. Если с тобой это случилось, на это даже нельзя пожаловаться. Тебя просто обсмеют.

Доктор Попов тоже так попал неудачно – как случайно в говно наступил. Однажды он вернулся домой не вовремя и застал там в своей постели абсолютно голого мужика и свою жену. Почему-то в таких случаях все застигнутые врасплох говорят одну фразу: "Это не то, что ты думаешь!" Мужик тут же оделся и ушел. Любопытная деталь: Попов в драку почему-то не кинулся. По большому счету это была ошибка, даже не ошибка, а он просто был такой по характеру. Другой бы дрался, и жена бы, вполне возможно, зная это, не изменяла бы ему. А тут любовник преспокойно ушел, да еще и подумал, небось: "Вот, тряпка! Приду, да и еще при нем ее и трахну!" А жена Попова так и осталась сидеть на кровати, завернувшись в одеяло, хотя и порывалась встать и запереть за ушедшим дверь. Потом она сказала:

– В этом виноват только ты! – Он ничего на это не ответил. Она и тут была права. Ясное дело: мужчина всегда виноват. Потом они молча сидели в темноте, смотрели на экран телевизора. У обоих от этого были синие лица. И ей и ему все это казалось каким-то кошмаром, который, только проснись, кончится. Но на этом не кончилось. Все это тянулось до сих пор. Все эти бессмысленные звонки, истерики. А ведь Попов был вроде бы нормальный хороший муж. И жили они очень неплохо. И чего ее налево потащило?

После бухгалтерши, как всегда в самую что ни на есть запарку, пришла сотрудница хозяйства за справкой для своего сына. Она очень тревожилась, можно сказать даже психовала, как бы ее дорогой сынок не попал в армию. Она совсем забыла, что когда была им беременна, то собиралась делать аборт, и даже уже пошла в больницу, но не хватало какой-то справки, то ли еще чего-то, и аборт совершенно случайно не состоялся. В итоге ребенок благополучно родился, вырос, и теперь приходилось его отмазывать от армии. А ведь тогда, когда он еще даже не родился, а был только восьминедельным эмбрионом, жизнь его висела буквально на волоске. Хорошо еще не нашлось бабки со спицей, какой в довоенный и послевоенный период иногда пользовались при криминальных абортах. Теперь же она загодя готовилась к армии – чуть не с раннего детства делая записи о наличии у сына частых заболеваний, нейродермита и бронхиальной астмы. Врачи уже потом по инерции переписывали диагноз лишь бы только отделаться от настырной мамы. Как мать мальчика-подростка она инстинктивно и люто ненавидела вооруженные силы во всех их проявлениях. Любые разговоры о возможности призыва сына на военную службу тут же приводили ее в ярость. Жизляй, сам некогда отслуживший срочную, обожал ее этим прикалывать:

– Ну, что, Марья Петровна, сынуля-то готовится к армии? Тренируется? На комиссию-то ходил? – спрашивал он сладеньким голосом.

– Никуда он не пойдет! – тут же мгновенно взвизвалась Марья Петровна.

– А кто же тогда будет Родину-мать защищать? – будто бы удивлялся Жизляй.

– Да кто угодно, только не мой сын! Сам, если хочешь, и иди! – Ее страшно бесили эти намеки. С Жирдяем она всегда была на "ты".

– А я уже свое сходил! И ничего страшного не случилось. Теперь пусть другие идут, исполняют свой гражданский долг!

– Еще чего! – мрачно сказала Марья Петровна.

Жизляй потом это дело прокомментировал:

– Тот же типичный женский подход: сына никуда от себя не отпускать, а тем более в проклятую армию, где его могут обидеть злые мальчишки. Впрочем, мужа бы своего она отдала бы, пожалуй, без сожаления. Понятно, это врожденный женский инстинкт, никуда своего ребенка от себя не отпускать. Ты наверняка слышал, как женщина говорит: "Мы", отождествляя себя со своим ребенком. Но если допускать такое воспитание, то оно как раз и формирует именно тот самый тип мужчины, который сами же женщины больше всего и ненавидят: ничего не решающая тряпка, зависящая от своей матери. Исконно тому было придумано противодействие: в племенах мальчика в определенном возрасте отрывали от матери, посвящали в воины, и это обычно было связано с каким-то болезненным испытанием, всегда с преодолением боли. У нас такую роль в какой-то степени играет армия: там ты учишься выживать вне семьи, в чужой среде, принимать решения и отвечать за себя. Мужчина в жизни должен быть добытчиком и защитником – это его основная социальная роль, – и при необходимости немедленно, не раздумывая, вступать в бой. Армия всегда была жесткой системой. Это теперь все жалуются, а раньше были гауптвахты, сейчас, говорят, их вроде как отменили, но уверен, снова введут. Ты там был? А я был! Я до сих пор помню того начальника гауптвахты. Настоящий зверь! И я сейчас понимаю, что по-другому с такой публикой, как мы, было нельзя. Меня забрали оттуда через пять дней, приехали из части, спрашивают: "Ты чего такой грязный и вонючий? Тебя же в машину невозможно посадить!" Так ведь совсем там не мылся. Чуть зазеваешься, прикладом в спину дадут – мало не покажется. Поэтому все исполняется мгновенно. В школах раньше били детей. Сейчас это кажется диким. А я так считаю, что розги в меру, без садизма – только детям на пользу. Отдельные идиоты перегибают, так они и без официальных наказаний бьют детей. Если ребенка бить по жопе – что с ним будет? Только на пользу. "Он нас бьет и плюется в лицо!" – тут, услышал случайно, одна девчонка про учителя своего рассказывает. А почему: потому что никто не хочет учиться, балуются, шумят, не слушают. А как ты их накажешь? Попробуй, тронь! Двойку разве что остается поставить, чтобы их уже родители дома драли.

Больничная ординатор Наташа Алтухова, сидевшая за соседним столом, благоразумно промолчала. У нее сын в настоящее время служил на флоте. В армию идти не очень-то хотел, но делать "белый билет" отказался категорически. Когда его забирали, то, говорят, чуть не рыдал. То ли от тоски, то ли от страха, а может просто спьяну. Потом оказалось, что, как и обещали в военкомате, попал он на Северный флот – на крейсер "Петр Великий" и очень удачно, отслужил там уже год и службой был очень доволен. Даже якобы собирался оставаться служить по контракту и учиться на мичмана. Его же школьный дружок закосил от армии "по дурке" и теперь болтался по городу и не работал.

Потом в ординаторскую зашла за рецептами для своей матери Оля Кондратьева, медсестра, которая какое-то время работала в приемном отделении, а теперь собиралась в очередной декретный отпуск. История ее личной жизни была запутанная до такой степени, что Борисков сначала ничего толком в ней и не понял. Потом ему с трудом женщины растолковали. Она вышла замуж то ли за узбека, то ли за таджика, который после окончания аспирантуры уехал к себе домой. Хотя тут у них родилась дочка, она туда ехать испугалась. Тут у нее еще была мать, которая в жизни ни дня не работала и не собиралась, а после смерти отца, который ее обеспечивал, намеревалась жить уже за счет детей. А отец муж уехал на родину – в Среднюю

Азию, там он по другому паспорту женился на местной девушке, взятой откуда-то из глухого кишлака, из бедной семьи, которая смотрела мужу в рот и подчинялась ему беспрекословно. Уже там у него родился еще один ребенок. Какое-то время он все еще предлагал Оле приехать туда, чтобы жить всем одной семьей. Она отказывалась. Знакомые показали ее одному холостому мужчине, которому она понравилась (он посмотрел на нее, когда она была на работе – в кассе сбербанка). Оля какое-то время колебалась, потому что никак на него не реагировала, но потом все-таки согласилась пойти покататься на "ватрушках" с гор, и в итоге снова забеременела. Поначалу хотела сделать аборт, но отец ребенка и его мать сказали, что лучше бы оставить, поскольку он готов на ней жениться сразу же, как она разведется. Она пошла вставать на учет в женскую консультацию, там ее спросили: замужем ли она, и она сказала: "Да", однако, добавила: "Не совсем", те тут же зачеркнули первую запись и написали: "гражданский брак", Оля же снова сказала: "Тоже не совсем так, поскольку я состою в браке с одним мужчиной, а этот ребенок у меня от другого". Впрочем, и это тоже не удивило работников консультации – они всякого перевидали. Однако беременность развивалась своим чередом, а развод затягивался по причине сбора документов, поскольку требовалось присутствия на суде обоих родителей первого несовершеннолетнего ребенка и проведение определенной процедуры, поскольку отец, хотя и двоеженец (вторая жена была зарегистрирована по таджикскому паспорту), – тоже все равно имел на ребенка право. Потом приехал муж, и оказалось, что он хорошо обеспечен, работает по контракту в Швейцарии, по-прежнему любит ее, предлагает взять ребенка с собой. Она, естественно, не разрешила.

Выписав нужные рецепты, Борисков направился в лабораторию и по дороге еще заскочил в регистратуру поликлиники, чтобы узнать расписание на вечер. Там царил паника. Совсем юная девушка-медрегистратор пребывала в эмоциональном шоке, ее отпаивали какими-то каплями. Она днем шла по тропинке мимо Сосновского парка, когда оттуда вдруг вышел молодой мужчина, вполне прилично выглядевший, с которым в обычной обстановке она вовсе не прочь была бы познакомиться. Он подошел к ней и сказал, глядя прямо в глаза: "Пошли со мной!" Она тут же все поняла и ответила: "Возьмите все – сумочку, деньги, телефон, только отпустите!" – "Мне этого ничего не нужно, пошли!" – Она оцепенела, он схватил ее за рукав пальто и потащил в парк, но потом все-таки бросил ее и скрылся среди деревьев, видно что-то его спугнуло. Она сидела и тряслась, а вокруг нее сновали утешительницы. Парк этот, как и все относительно безлюдные места района, был известным маньячным местом. Борисков лично сам не сталкивался, но женщины нередко жаловались на эксгибиционистов и прочих маньяков, карауливших их в кустах. Местный милиционер, находившийся недавно на лечении с обострением язвенной болезни, рассказал, что вот сейчас снег сойдет, и снова будут находить "подснежники" – скопившиеся за зиму и вытаявшие из-под снега трупы.

Впрочем, один раз Борисков столкнулся с подобным насильником. В тот день машина сломалась, он поехал на работу на метро и потом решил пройти пешком, срезать через парк, заодно там и пописать. И увидел маньяка. Тот тащил какую-то женщину в чашу. Та только скулила.

Борисков оторопел, остановился как вкопанный и уставился на них, еще не осознав ситуацию: может быть, это игра у них такая. Преступник был довольно видный и крепкий парень. Он увидел Борискова и сказал:

– А тебе, мужик, чего надо? – Он смотрел на Борискова, продолжая держать женщину за волосы. – Вали отсюда! – Вид у него был отнюдь не испуганный, а скорее раздраженный тем, что ему помешали.

– Да, в общем-то и ничего – я просто из милиции! – Борисков показал корочки своего красного удостоверения. Это могло оказать некоторое психологическое давление, на которое он очень рассчитывал.

Но этот трюк совершенно не сработал. Насильник, как голодный паук, вовсе не собирался отпускать свою жертву. Женщина мычала, трепыхалась, как рыба в сетке. Затрещало пальто, полетели пуговицы.

– Успокойтесь, девушка! – сказал ей Борисков. – Я уже позвонил в милицию, ближайший наряд будет тут минуты через три, не больше. Они уже едут.

Насильник и тут проявил завидное хладнокровие. Еще с полминуты он пристально смотрел на Борискова, который чувствовал себя в этой ситуации довольно-таки неудобно, но женщине в принципе уже ничего не грозило, поскольку в любом случае акция была сорвана. Потом злодей оттолкнул ее от себя и нарочито медленно пошел в лес.

"Вот бы сейчас выстрелить ему в спину!" – с сожалением подумал Борисков, глядя ему вслед. Снять хотя бы его на камеру в телефоне, но телефон у Борискова был без камеры. Хотя Борисков в институте пару лет и занимался борьбой самбо, но задерживать маньяка в одиночку не рискнул. Уверенно он себя в этих делах вовсе не чувствовал, да и опыта такого не имел. Короче, испугался.

Милиция все-таки действительно приехала, и их обоих с женщиной отвезли в отделение. В отделении Борискова первое что спросили: "А вы, гражданин, когда пили?" Женщине же сказали так: "А нечего там было одной ходить!"

На работе Борисков про это происшествие даже рассказывать сначала не хотел, но потом все же не удержался. В ответ тут же со всех сторон полезли истории, одна страшнее другой.

Кстати, на том история с маньяком для Борискова вовсе не закончилась. Он встретил того парня еще один раз, точнее даже два. Первый раз – в метро. Они встретились глазами. Потом маньяк куда-то исчез. Борисков и там чуть струхнул. Ведь возможный вариант действия этого типа мог быть и такой: подойти и воткнуть шило в бок, например в сердце. И тут же скрыться в толпе. Наверняка же он был вооружен каким-нибудь подобным оружием – на то он и насильник. Бывали случаи, когда людей сталкивали на рельсы прямо перед подходящим поездом. Даже видеокamerой это сложно отследить в толпе. А сколько вообще происходит случаев, когда имитируют несчастные случаи. Например, вместе мыли окно, и один другого столкнул, а сказал, рыдая, что тот случайно выпал. Или: опустили домкрат, когда человек работал под машиной, отравили явно паленой водкой и т.д. В мире существует огромное количество злодеев оставшихся безнаказанными.

В третий раз Борисков увидел насильника уже в отделе милиции. Однажды ему оттуда позвонили и пригласили на опознание. Там были и другие свидетели. Борисков приехал и сразу узнал парня, хотя лицо его было довольно сильно разбито, и вид он имел уже не такой самоуверенный. Но какая-то идея в нем все-таки еще сохранялась, он о чем-то напряженно думал, в нем шла какая-то активная мыслительная работа. И снова Борисков почувствовал страшный и пугающий сгусток чужой злой воли. Борисков указал на него, подписал бумаги. И больше уже не видел его никогда. Свою волю этот человек будет проявлять в тюремных камерах и лагерях, сталкиваясь с другими подобными сгустками злой воли.

Тогда Борисков не рискнул вступить в прямую схватку, а вот Саня Мельников, наверняка не испугался бы, и наверняка заломал бы гада там же, на месте. С другой стороны он был профессионалом по этим вопросам. Борисков даже подумал, что злодей, просто только увидев Саню издали, убежал бы без оглядки, а не стоял бы, буравя взглядом, как это произошло с Борисковым.

Тут же вспомнилась история, как один мужик в подобной ситуации влез, надавал насильнику по голове, а потом оказалось, что это был самый настоящий муж женщины, которому вдруг взбрело ее оприходовать прямо в парке, а она на это почему-то не соглашалась. Тут уже возник вопрос: "Если жена в данный конкретный момент не хочет полового акта, а муж очень даже желает и принуждает ее к этому – это насилие или нет?"

Жизляй по этому поводу имел следующую точку зрения:

– Раз уж вышла замуж, то обязана по жизни исполнять супружеский долг. Нравится тебе это, или не нравится. А иначе – не выходи замуж. Точно так же нравится тебе или не нравится, ты обязана вставать утром и готовить ребенку кашу, а мужу – завтрак. И если завтрак мужу ты еще как-то можешь манкировать, то кашу ребенку – никак не сможешь, хоть умри. Это оборотные стороны семейной жизни.

Тут пробежала старшая медсестра отделения с криком ужаса: "Завтра будет СЭС!" Приход и проверка санэпидстанции всегда представляли собой целый ритуал. Суровые тети бесцеремонно ходили всюду, потом писали бумаги и непременно кому-нибудь да начисляли штраф. Штрафы были довольно большие. Кому-то их потом начальство компенсировало, а кому-то – и нет. Начальники даже иногда использовали СЭС для давления на неугодных людей. СЭС приходила к опальным, обязательно что-то находила и сходу начисляла огромный штраф, который потом вычисляли из зарплаты, да потом еще нарушителей чистили на конференциях. Бывали случаи, что люди не выдерживали и увольнялись. Наверняка существовал и какой-то план по штрафам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.